

28602

P

В. ШЕКСПИР

ЦИМБЕЛИН

В. ШЕКСПИР

ЦИМБЕЛИН

ДРАМА
В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

*Перевод
Вадима Шершеневича*

*Общая редакция,
краткая справка и примечания
проф. М. М. Морозова*

Государственное издательство
„ИСКУССТВО“
Москва 1941 Ленинград

28602

*Разрешено ГУРК за № 241
от 2 июля 1940 г.*

*Обложка
художника А. Кнаке*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Цимбелѣн, король британскій.

Клѣтѣн, сын королевы от первого брака.

Леонѣт Пѣстум, дворянин, муж Имоджены.

Бѣларій, изнанный придворный, под именем Моргана

Гвидерій } сыновья Цимбелина, принимаемые под имене-
Арвирѣг } нами Полидора и Кавдала за сыновей
Бэларія.

Филарьо, друг Постума, итальянец.

Иахѣмо, друг Филарьо, итальянец.

Французскій дворянин, друг Филарьо.

Кай Люцій, вождь римских легионов.

Римскій военачальник.

Два британских военачальника.

Пѣзаньо, слуга Постума.

Корнѣлий, врач.

Два придворных Цимбелина.

Два дворянина.

Два тюремщика.

Королева, жена Цимбелина.

Имоджена, дочь короля Цимбелина от первого брака.

Елена, внатная дама, прислуживающая Имоджене.

Придворные дамы, сенаторы, трибуны, видения, прорицатель, музыканты, военачальники, воины, вестники, гонцы, слуги.

Место действия — то Британия, то Рим.

Жена взята под стражу. Взор
придворных
Притворно грустен, но глубоко сердцем
Скорбит король.

ВТОРОЙ.
ПЕРВЫЙ.

И лишь один король?
С ним — пасынок, лишившийся невесты,
И королева, жаждавшая брака.
Придворные — пред королем грустны,
Но втайне рады браку, хоть для вида
И опечалены.

ВТОРОЙ.
ПЕРВЫЙ.

А почему?
О женихе идет молва дурная,
А тот, кто мужем стал ее и изгнан,—
Он так хорош, что равных нет ему,
Где б ни искать! Кого б с ним ни
сравнили,—

В том недостатки есть, которых нет
У зятя короля. Ему нет равных!
Я думаю, что в мире нет людей
Таких, как он, по благородству духа
И красоте лица.

ВТОРОЙ.
ПЕРВЫЙ.

Хвала чрезмерна!
Она ничтожней той, что заслужил он:
Хвалой не увеличил я, уменьшил
Его достоинства!

ВТОРОЙ.
ПЕРВЫЙ.

Кто он такой?
Род до корней его мне неизвестен.
Отец — Сицилий при Кассибелане!

Сражался с Римом; за успех военный
И доблесть при Тенанции * увенчан
Был славою и прозван «Леонат» *.
Он, кроме сына, о котором речь,
Двух сыновей имел, но оба пали
В боях прошедших лет с мечом в
руках!

В своем преклонном возрасте Сицилий,
Любя сынов, их смертью потрясен,
Скончался. Вслед за ним скончалась
тоже

Его жена, родив того, о ком
Я говорю. Король взял сироту
К себе, назвавши «Постум Леонат»,
И, сделавши пажом, дал воспитанье
И ум его обогатил ученьем,
Доступным возрасту. Как воздух мы
Вбираем жадно, он вбирал познанья,
И жатву жизни он собрал весной
Такую, что другим не взять и в осень.
Был при дворе любимцем общим
Постум.

В пример его все ставили в восторге!
Для юных — образец, зеркало —
взрослым,
Вожак был старцам. Выбор Имоджены,
Ее достоинства, ее любовь —

Порука в том, что Леонат — достойный
И славный муж.

ВТОРОЙ

По вашему рассказу
Уже я чту его! У короля
Дочь лишь одна?

ПЕРВЫЙ.

Одна!.. Коль знать хотите,
Скажу, что было у него два сына,
Но оба (старший — в возрасте
трехлетнем,

Другой — еще в пеленках) из дворца
Похищены. С тех пор никто не знает,
Что с ними случилось.

ВТОРОЙ.

Их давно ль украли?

ПЕРВЫЙ.

Уж двадцать лет.

ВТОРОЙ.

Ужели принцев можно так похитить?
Так слабо их стеречь? Искать так
плохо,

Чтоб не найти следов?

ПЕРВЫЙ.

Пускай смешна,
Пускай нелепа странная небрежность,—
Но это так.

ВТОРОЙ.

Я верю вам вполне!

ПЕРВЫЙ.

К нам Постум, королева и принцесса
Идут. Уйдем отсюда!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Входят королева, Постум и Имоджена.

КОРОЛЕВА. Нет, дочь моя! Я вовсе не похожа
На мачеху; взор не завистлив мой.
Ты — пленница моя, но твой тюремщик
Ключ от замка, что путь пресек к
свободе,

Готов тебе отдать!.. Поверьте, Постум,
Лишь королевский гнев смягчу, начну я
За вас просить. Король пылает гневом,
Вам лучше подчиниться повелению
И терпеливо ждать, покорно вземля
Рассудку здравому.

ПОСТУМ. Коль вам угодно,
Сегодня ж еду.

КОРОЛЕВА. Хоть опасно это,—
Король вам встречи запретил,— но, муки
Любви, встречающей преграды, зная,
От вас уйду, оставив вас вдвоем!

(Уходит.)

ИМОДЖЕНА. Под маской лицемерья гладишь рану,
Тобою нанесенную! Любимый!
О, мой супруг! Страшит отцовский
гнев.
Мне должно быть почтительной к отцу:
Ты прочь уедешь, мне же — выносить

Огонь сердитых глаз ежеминутно,
Лишь утешаясь, что на свете есть
Сокровище, что раньше или позже
Увижу вновь.

ПОСТУМ.

Жена, моя царица!
Не плачь, чтоб не могли сказать
другие,
Что мягче я душой, чем подобает
Мужчине! Буду я вернее всех
Мужей, что в верности клялись
супругам;

Поеду в Рим я. Там живет Филарьо.
Он другом был отцу, а мне известен
По письмам. Мне пиши, моя царица!
Коль горькими чернилами напишешь,—
И то мне будут строки сладки!

КОРОЛЕВА

(возвращается).

Время
Расстаться вам! Король, заставши вас,
Гнев на меня обрушит свой. (Про себя.)

Сюда я
Его пошлю. Когда он мной обижен,
Он щедро платит за мои грехи,
Чтоб снова сделаться мне другом.

(Уходит.)

ПОСТУМ.

Если б
Всю нашу жизнь прощанье длить,— все
горше
Прощанье делалось бы нам. Прощай!

ИМОДЖЕНА. Нет! Подожди немного!

Коль уезжал бы ты лишь на прогулку,
Мы дольше бы прощались!.. Посмотри:
От матери осталось мне кольцо.
Носи его, пока не вступишь в брак
С другой, когда умру я.

ПОСТУМ.

В брак с другою?

Меня соединив с моей любимой,
О боги, смертным саваном укройте
Меня, коль на другую я польщусь!
(Надевает перстень на палец.)

Пока я жив, будь здесь на пальце,
перстень!

Мой друг, ты много потеряла, дав мне
Себя в обмен на жалкого меня!
Позволь с тобою расплатиться. Вот
Запястье — цепь любви; позволь
сковать мне

Из пленниц лучшую!

(Надевает браслет на руку Имоджены.)

ИМОДЖЕНА.

Когда нам встречу

Даруют боги вновь?!

ПОСТУМ.

Беда! Король!

Входит в сопровождении свиты Цимбелин.

ЦИМБЕЛИН. Прочь с глаз моих, презренное творенье!
Коль мой запрет нарушишь, появившись

Вновь при дворе,— умрешь! Ступай!
Твой вид

Кровь отравил мне!

ПОСТУМ.

Пусть хранят вас боги!

И тех, кто быть достоин возле вас.

Я уйду!

(Уходит.)

ИМОДЖЕНА.

Из всех смертельных пыток

Больнее этой нет!

ЦИМБЕЛИН.

О, ты, коварство!

Могла бы ты мне юность возвратить,

Но старишь на год ты меня!

ИМОДЖЕНА.

Умерьте

Ваш гнев! Он вам вредит, а мне не

страшен!

Иное чувство преградило в сердце

Путь страху и слезам.

ЦИМБЕЛИН.

И послушанью!

ИМОДЖЕНА. Коль нет надежд — и послушанья нет!

ЦИМБЕЛИН. Могла женой стать сына королевы!

ИМОДЖЕНА. И рада, что не стала! Взяв орла,

Отвергла коршуна.

ЦИМБЕЛИН. Взяв нищего в мужья, наш трон

Ты опозорила.

ИМОДЖЕНА.

О, нет! Скорее

Мной возвеличен трон.

ЦИМБЕЛИН.

Бесстыдница!

ИМОДЖЕНА. Виною вы, что Постума люблю я!
Ведь вместе вы взрастили нас, а он
Любой достоин женщины. И лучше
Меня он вдвое!

ЦИМБЕЛИН. Иль безумна ты?!

ИМОДЖЕНА. Почти!.. Пусть небеса меня излечат!
Зачем не дочь я пастуха, а Постум —
Не сын погонщика волов?

ЦИМБЕЛИН. Молчи,

О, глупая! (*Входящей королеве.*)

Ты делаешь не то,

Что я велел. Застал я вновь их вместе!
Запри ее!

КОРОЛЕВА. Прошу меня простить

За недосмотр! О, дочь моя, смирись!
Оставьте нас! И в здоровом

рассужденьи

Ищите утешенье.

ЦИМБЕЛИН. Пусть иссохнет

Кровь в жилах дочери! Пусть

одинокой

Ты в старости умрешь!

(*Уходит со свитой.*)

КОРОЛЕВА. Стыдись! Смирись!

Появляется Пэзаньо.

Вот мужа твоего слуга! — Что скажешь?

ПЭЗАНЬО. На господина моего напал
Ваш сын.

КОРОЛЕВА. Беды не вышло, я надеюсь?

ПЭЗАНЬО. Была б она, когда б мой господин
Как следует сражался, но играл он
Своим мечом; к ним подошли дворяне
И развели их.

КОРОЛЕВА. О, как рада я!

ИМОДЖЕНА. Ваш сын, по дружбе к моему отцу,
Решился на изгнанника напасть!
Какой храбрец!.. Будь в Африке их
бой,

О, я б негодного иглой колола! *

Зачем покинул господина ты?

ПЭЗАНЬО. Так он велел; мне запретил за ним
Итти до гавани, дав указанье,
Как должен вам служить я, коль моя
Угодна будет служба вам.

КОРОЛЕВА. Он славно

Служил до этих пор и так же будет
Служить вам впредь.

ПЭЗАНЬО. Благодарю смиренно!

КОРОЛЕВА (*Имоджене*). Пойдем гулять!

ИМОДЖЕНА (*Пэзаньо*). Ступай и на
корабль

Ты господина проводи, Пэзаньо,

А через полчаса зайди ко мне!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Площадь. Входят Клотэн и двое придворных.

ПЕРВЫЙ. Принц! Я советую вам переменить рубашку! Вы так разгорячились во время этого поединка, что от вас валит пар, как от жертвенного быка. Воздух входит через те самые места, откуда он и выходит, но воздух, входящий в вас, не может так благоухать, как воздух, выходящий из вас.

КЛОТЭН. Я меняю рубашку только тогда, когда она окровавлена!.. Но ведь я своим мечом задел врага?

ВТОРОЙ (*про себя*). Тобой не задеты ни он сам, ни его чести!

ПЕРВЫЙ. О, конечно! Если ваш меч не нанес врагу раны, то, значит, у врага не тело, а один скелет без мяса. Если вы его не ранили, то, значит, его тело — проезжая дорога для клинков.

ВТОРОЙ (*про себя*). Твой меч избегал тело врага, как должник избегает кредитора!

КЛОТЭН. Когда я нападаю, этот негодяй не мог стоять на одном месте!

ВТОРОЙ (*про себя*). Как же он мог стоять на одном месте, когда он наступал на тебя и теснил тебя?!

ПЕРВЫЙ. Кто же может устоять против вас? Вам принадлежит немало земель, но ваш враг отступал и уступал вам и ту землю, что была под ним.

ВТОРОЙ (*про себя*). Как могильщик, вырыв могилу, уступает ее покойнику.

КЛОТЭН. Какая досада, что нас развели!

ВТОРОЙ (*про себя*). Действительно, досада! Если бы вас развели попозже, то ты, растянувшись на земле от площади до сада, доказал бы всему свету, какой ты несусветный дурак!

КЛОТЭН. Как она могла влюбиться в такого осла и отказать мне?!

ВТОРОЙ (*про себя*). Если разумный выбор — смертный грех, то бедная принцесса навеки загубила свою душу.

ПЕРВЫЙ. Я всегда говорил вам, принц, что ее красота и ее ум не ладят друг с другом. Ее лицо — прекрасная вывеска, но я никогда не видел, чтоб под этой вывеской торговали умом.

ВТОРОЙ (*про себя*). Ее мудрость, как луч солнца, боится освещать дураков, чтоб самому не запачкаться об их глупость!

КЛОТЭН. Какое несчастье, что из этой встречи не вышло никакого несчастья! Я устал и ослаб!

ВТОРОЙ (*про себя*). Какое же несчастье, коль убили такого осла б!

КЛОТЭН. Идите за мной ко мне в опочивальню!

ПЕРВЫЙ. Я скоро приду.

КЛОТЭН. При моей храбрости, нам лучше идти всем вместе.

ВТОРОЙ. Извольте, ваше высочество!

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

*Британия. Комната во дворце Цимбелина. Входят
Имоджена и Пэзаньо.*

ИМОДЖЕНА. О, если б в берег врос ты и следил
За каждым парусом!.. Вдруг муж напишет,
И пропадет письмо! Ведь это то же,
Что потерять казнимому — прощенье!
Что он сказал?

ПЭЗАНЬО. «Прощай, моя царица!»

ИМОДЖЕНА. Махал платком?

ПЭЗАНЬО. И целовал его!

ИМОДЖЕНА. Ах, холст бесчувственный — меня
счастливей!

И это все?

ПЭЗАНЬО. О, нет! Покуда видеть
И слышать мог его я, он стоял
На палубе, махал платком и шляпой,
Чтоб выказать тоску и сожаленье,
Что так стремительно плывет корабль,
Тогда как медленно плывет его
Душа.

ИМОДЖЕНА. Следить за ним ты был бы должен,
Пока не станет он, как ворон, мал.

ПЭЗАНЬО. Я так и поступил, о, госпожа!

ИМОДЖЕНА. Я б нити зренья напрягла, пока
Не лопнули они, следя, как Постум
Вдали становится иголки меньше

И мушки, чтоб потом совсем пропасть!
Тогда лишь взор я б отвела от моря
И плакала!.. Как думаешь, Пэзаньо,
Когда придет письмо?

ПЭЗАНЬО.

Как только сможет,

Известье он придет.

ИМОДЖЕНА. Шепнуть я не успела, с ним прощаясь,
Про час, когда о нем я буду думать,
И клятвы не взяла, что итальянцам
Красивым честь свою и прав моих
Он не отдаст, забыв обет священный!
Что должен он молиться ровно в полночь
И в шесть утра, и непременно в полдень!
Молиться буду в тот же час и я,
Чтобы на небе наши души слились.
Меж слов чарующих я не успела
Его поцеловать, как гнев отца,
С Бореем схожий, облететь заставил
Бутои цветка.

Входит придворная дама.

ДАМА.

Вас просит королева

Немедля к ней притти!

ИМОДЖЕНА. Я к ней иду! (*Пэзаньо.*) Исполни все
Пэзаньо,

Что я велела.

ПЭЗАНЬО.

Все исполню я!

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Рим. Комната в доме Филарьо. Входят Филарьо, Иахимо и француз.

ИАХИМО. Поверьте мне: я знал его в Британии в то время, когда слава его еще только подрастала; все возлагали на него блестящие надежды, которые он, если верить молве, оправдал. Но я глядел на него без всякого восхищения, хотя уже и тогда рядом с ним вывешивали перечень его доблестей, которые я прочитал одну за другой.

ФИЛАРЬО. Ты вспоминаешь о тех временах, когда ни душою, ни телом он еще не достиг тех совершенств, которые, по общему мнению, украшают его теперь.

ФРАНЦУЗ. Я видел его во Франции, но там было много таких же людей, как он: эти люди тоже умели смотреть, не щурясь, на солнце.

ИАХИМО. Причина воздаваемой ему хвалы — его брак с дочерью короля. Полагаю, что достоинства его жены придают молодому человеку бóльшую цену, чем его собственные.

ФРАНЦУЗ. А потом это изгнание...

ИАХИМО. Особенно возвеличивают этого человека сторонники принцессы! Они оплакивают ее горе, рожденное насильственной разлукой; они мечтают доказать, что принцесса поступила благородно, выйдя замуж за бедняка, и потому преувеличивают его добродетели. Отчего он поселился у вас и откуда вы знаете его?

ФИЛАРЬО. Его отец — мой брат по войне, и он не раз спасал меня.

Входит Постум.

А вот и наш британец!.. Примите его, как подобает таким образованным людям, как вы, принимать такого достойного чужестранца. Я вас познакомлю с моим благородным гостем и другом. Подружитесь и вы с ним! Он вполне достоин вашей дружбы. Я прекращаю похвалы, потому что скоро само время убедит вас в доблести этого юноши.

ФРАНЦУЗ. Мне кажется, что мы познакомились с вами в Орлеане?

ПОСТУМ. О, и с тех пор я ваш неоплатный должник за все ваши любезности! Ежели бы я даже ежедневно выплачивал вам мой долг, то и тогда я не мог бы расплатиться с вами до конца!

ФРАНЦУЗ. Вы переоцениваете мою ничтожную услугу: я только примирил вас с моим земляком. Но каждый, будь он на моем месте, сделал бы то же самое. Было бы обидно, если б эта ссора, рожденная пустяком, кончилась кровавой развязкой. А дело шло к этому!

ПОСТУМ. Разрешите мне не согласиться с вами! В те дни, в чужих краях, когда я был так молод, я больше слушался суждений своего рассудка, чем опыта людей, которые были умнее и спокойнее меня. Теперь я рассудительнее стал, простите самомнение, но все же считаю я, что повод был не так ничтожен.

ФРАНЦУЗ. По-моему, не стоило прибегать к мечам и кончать поединок смертью одного или обоих спорщиков!..

ИАХИМО. Если это не тайна, то расскажите: что было причиной ссоры?

ФРАНЦУЗ. Так как ссора произошла открыто, то не будет нескромностью, если причина ссоры станет достоянием других. Этот спор очень похож на наш вчерашний: каждый хвалил прелестниц своей родины. В те дни этот молодой дворянин утверждал и был готов скрепить свое мнение печатью крови, что в мире нет женщины прекраснее, добродетельнее, умнее, скромнее и вернее, чем дама его сердца. Он утверждал, что она неприступнее, чем самая прекрасная дама Франции.

ИАХИМО. Я уверен, что эта дама уже скончалась или ее защитник изменил свое мнение о ней!

ПОСТУМ. Как и прежде, я и теперь тверд в своем мнении так же, как она — в своей добродетели.

ИАХИМО. Но не станете же вы сравнивать вашу даму с моими соотечественницами, итальянками?

ПОСТУМ. Если меня заставят это сделать, как принудили тогда, во Франции, то я повторю свой отзыв об этой даме, хотя предупреждаю, что я не ее возлюбленный, а только пылкий поклонник ее совершенств.

ИАХИМО. Как? Не только сравнить с нашими итальянками, но даже поставить выше их?! О, это слишком много для британской дамы! Если она настолько же выше всех остальных женщин, насколько

ко бриллиант на вашем пальце лучше всех виденных мною, то и тогда это значит только одно: она лучше многих! Но самого лучшего в мире бриллианта я не видал, как вы не видали лучшей из всех дам.

ПОСТУМ. И эту даму и этот перстень я ценю по тем достоинствам, которые в них заключены.

ИАХИМО. А как вы оцениваете свой перстень?

ПОСТУМ. Он дороже всех даров вселенной!

ИАХИМО. Дороже всех даров вселенной? Значит, ваша дама умерла, если этот перстень дороже ее?

ПОСТУМ. Вы не правы! Бриллиант может быть куплен тем, у кого есть деньги, или подарен тому, кто достоин этого подарка, а дама, о которой я говорю, не может быть куплена. Она — дар богов!

ИАХИМО. И боги подарили ее вам?

ПОСТУМ. И по милости богов она останется моею!

ИАХИМО. На словах и в мыслях вы можете считать ее своею, но знайте, что утки любят поплавать по пруду соседа, а перстень может быть украден. Итак, обе ваши драгоценности ненадежны. Ловкий вор и не менее искусный волокита легко могут лишить вас обоих сокровищ.

ПОСТУМ. Клянусь, что во всей Италии не сыщется обольстителя, который мог бы одержать победу над царицей моего сердца и заставить ее потерять честь! О перстне я тоже не беспокоюсь, хотя и знаю, что ловких воров у вас немало.

ФИЛАРЬО. Прекратите этот разговор, синьоры!

ПОСТУМ. Я готов. Я очень рад, что этот уважаемый синьор не считает меня чужим. Мы с ним сразу сблизились.

ИАХИМО. Один разговор, впятеро длиннее нашего, и я отбил бы у вас вашу красавицу. О, если б только я мог увидеть ее и приударить за ней! Я бы мигом заставил ее сдаться!

ПОСТУМ. Никогда!

ИАХИМО. Я готов на спор поставить половину моего состояния против вашего кольца, хотя оно, по-моему, стоит немного больше. Я спору не столько против чести вашей дамы, сколько против вашей уверенности в ней! Чтоб мое предложение не оскорбляло вас, я готов попытаться соблазнить не вашу даму, а любую другую женщину в мире.

ПОСТУМ. Вы заблуждаетесь в ваших слишком смелых утверждениях, и я не сомневаюсь, что ваши попытки встретят то, чего они заслуживают.

ИАХИМО. Чего же?

ПОСТУМ. Отказа!.. Впрочем, то, что вы назвали попыткой, заслуживает не только отказа, но и наказания.

ФИЛАРЬО. Прекратите спор! Пусть он кончится быстрее, чем возник. Вам следует ближе узнать друг друга.

ИАХИМО. Я отвечаю за свои слова не только всем моим состоянием, но и состоянием моих родственников!

ПОСТУМ. Какую даму вы избираете для нападения
ИАХИМО. Вашу, которая так верна и недоступна
как вы предполагаете. Дайте мне возможность проник-
нуть во дворец, где она живет, и я ставлю десять тыся-
дукатов против вашего перстня: после второго же сви-
дания я привезу вам ее честь, которую вы считаете
неприступнее крепости.

ПОСТУМ. Против вашего золота я тоже поставлю
золото! Этот перстень дорог мне, как палец, на кото-
ром я ношу его. Это кольцо — часть моего пальца.

ИАХИМО. Вы боитесь лишиться его? Что ж, вы
правы! Платя даже по миллиону за золотник женского
мяса, вы не спасете его от порчи. Ваша осторожность
доказывает, что вы не уверены в той, о ком мы спорим.

ПОСТУМ. Я надеюсь, что ваш язык болтает по
привычке и что вы сами менее легкомысленны, чем
ваш язык.

ИАХИМО. Я — хозяин своему слову и могу за него
отвечать. Я готов на предложенный спор.

ПОСТУМ. Ну, что ж, я готов отдать в залог мой
перстень до вашего возвращения. Мы подпишем усло-
вие! Добродетель той дамы, о которой я говорю, не
должна пугаться недостойного замысла. Я принимаю
ваш вызов. Вот мое кольцо!

ФИЛАРЬО. Я не допущу этого спора и заклада!

ИАХИМО. Клянусь богами, заклад сделан!.. Если я
не представлю вам доказательств, что я наслаждался

драгоценнейшей половиной царицы вашего сердца — ее телом, — мои деньги принадлежат вам, как и этот бриллиант. Если я вернусь, оставив ее такою же непорочной и верною вам, то она, мои деньги и ваш перстень — все ваше!.. Но вы должны дать мне письмо, чтоб она приняла меня.

ПОСТУМ. Согласен. Но еще одно дополнение к нашему спору: если, вернувшись, вы представите мне явное доказательство своей победы над нею, мы с вами не враги, потому что, значит, дама не стоит нашей ссоры. Но если она отвергнет ваши обольщения, то вы с мечом в руках ответите мне за оскорбительное мнение о моей возлюбленной и за дерзкое покушение на ее честь!

ИАХИМО. Я согласен. По рукам! Я немедленно еду в Британию, иначе ваш пыл угаснет и, дитя этого пыла, заклад, умрет без пищи. Я иду за деньгами, и мы запишем на бумаге наши условия!

ПОСТУМ. Согласен!

Постум и Иахимо уходят.

ФРАНЦУЗ. Как вы полагаете: они доведут свой спор до конца?

ФИЛАРЬО. О, да! Иахимо не отступится от предложенного! Пойдем за ними!

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Британия. Комната во дворце Цимбелина. Входят королева, придворные дамы и Корнелий.

КОРОЛЕВА. Нарвите мне цветов, еще покрытых
Росою утра!.. Где их список?

ДАМА. Здесь!

КОРОЛЕВА. Ступайте!

Дамы уходят.

КОРНЕЛИЙ. Вы снадобий мне принесли ли, доктор
Я все принес, что принести велели!

(Передает небольшую шкатулку.)

Не обижайтесь! Совесть мне велит
Спросить: зачем велели изготовить
Мне этот яд, несущий неизбежно,
Хоть не спеша, мучительную смерть
Живущим?

КОРОЛЕВА. Твой вопрос, Корнелий,
странен

Не ты ли долгий срок меня учил
Варить лекарственные благовонья?
Сам Цимбелин со мною часто ласков
Чтоб получить из рук моих состав.
Коль ты не думаешь, что я в союз
Вступила с дьяволом,— что ж
удивляться!

Что в новых опытах расширить знанья
Свои хочу, проверив этот яд
На псах, не стоящих простой веревки,
А не на людях?! Яда мощь узнав,
Смогу найти я мощь противоядья!
Лишь только так узнать смогу я,
доктор,

Все свойства этих трав.

КОРНЕЛИЙ.

Подобный опыт

Ожесточает сердце, королева!

Ах, отвратителен и нам опасен

Вид отравленья.

КОРОЛЕВА.

За меня не бойся!

Входит Пэзаньо.

(Про себя.)

Идет к нам гнусный льстец. Он

Леонату

Душою предан; сыну моему —

Он лютый враг. С него начну свой

опыт! *(Громко.)*

Что скажешь? — Ты, Корнелий, мне не

нужен,

Ступай!

КОРНЕЛИЙ *(про себя)*. Ее подозреваю я,

Но яд безвреден мой!

КОРОЛЕВА.

Пэзаньо! Слушай!

(Отводит его в сторону.)

КОРНЕЛИЙ. Я не люблю ее! Ну, что ж! Мечтай,
Что держишь яд медлительный и
страшный!
Той женщине не дам я адских средств!
Я дал ей яд, который может только
Сознание на время заглушить.
Она на псах испробует мой яд,
Чтоб выше перейти. Подобье смерти
Не страшно; яд несет оцепененье,
А вслед за ним опять, еще сильней,
Воскреснет жизнь! За настоящим —
мнимый

Яд выдав,— обманул, но, обманув,
Я честно поступил.

КОРОЛЕВА (Корнелию). Ты мне не нужен!
Коль будешь нужен — позову!

КОРНЕЛИЙ. Иду!

(Уходит.)

КОРОЛЕВА. Ты говоришь: все плачет Имоджена?
Ужели ум безумие не сменит,
Ей дав покой? Старайся же! Когда
Мне скажешь, что любим стал ею сын
мой,
Отвечу я: ты выше стал, чем Постум!
Судьбою счастье сражено его
И молча гибнет; и молва о нем
Замрет. Не может он сюда вернуться,

Ни жить там, где живет! Меняя место,
Он скорбь одну меняет на другую.
Он с каждым днем несчастней. Можно
ль верить
В того, кто низко пал, кого нельзя
Поднять?! Нет у него друзей могучих,
Которые могли бы поддержать.

(Роняет шкатулку, данную Корнелием.)

Пэзаньо поднимает.

Ты поднял драгоценность, сам не зная!
Эй, склянку за труды возьми! Лекарство
Мной сделано, и короля оно
От смерти много раз спасало. Средства
Сильней не знаю я; возьми его
В знак милости и будущей награды!
Как будто от себя подай совет
Принцессе нужный ты. И помни: этим
Проложишь новый путь удач своих
И, сохраняя милость Имоджены,
Ты в сыне покровителя найдешь!
Я постараюсь: будешь возвеличен
Ты королем. Коль я прошу о многом,
Так много я обязана воздать
Тебе. Дам позови моих и помни
Мои слова!

Пэзаньо уходит.

Плут предан Леонату,
И он хитер. Благодаря советам,
Напоминаниям его принцесса
Верна супругу. Ну, за дело, яд!
Коль он умрет — принцессе не доставят
От Леоната писем. Может быть,
Коли сговорчивей не станет, — яду
Дам ей самой.

Пэзаньо и дамы приходят.

Прекрасно! Все тут есть!
Фиалки, примулы! Снести их в
спальню!

Прощай, Пэзаньо, и мои слова
Не забудь! (*Уходит с дамами.*)

ПЭЗАНЬО.

Я не забуду! Если
Я господину изменю — петлю
Себе надену. Вот как поступаю!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Другая комната во дворце. Входит Имоджена.

ИМОДЖЕНА. Отец — жесток, а мачеха — коварна,
И глуп жених, желающий жениться
На той, чей изгнан муж. О, дорогой!
Венец моих скорбей! Ты множишь муки
Мои! Зачем, как братьев, и меня
Вор не украл? Несбывшаяся гордость

Былых желаний — ты жалка! Ах, счастье
Простолюдинам тем, чей скромный помысл
Сбывается.

Входят Пэзаньо и Иахимо.

Кто этот человек?

ПЭЗАНЬО. Вас хочет видеть дворянин из Рима,
Привезший весть от мужа!

ИАХИМО. Вы бледны,
Принцесса?! — Леонат здоров и нежный
Привет вам шлет. *(Подает письмо.)*

ИМОДЖЕНА. Благодарю, синьор!

Я рада видеть вас!

ИАХИМО *(про себя)*. О, как ее прекрасен облик! Если
Прекрасна так же у нее душа,
Она — как редкий феникс! * Свой

заклад

Я потерял! О, будь, отвага, другом!
Ты, смелость, дай свой меч! Иль, как
парфянам *,

Придется драться, отступая, или
Бежать без боя мне.

ИМОДЖЕНА *(читая)*. «Он принадлежит к одному из
самых благородных домов. Он привязал меня к себе
добротой своего сердца. Будь с ним ласкова, если тебе
дорог твой преданный и верный Леонат».

Те строки вслух могу прочесть,
А остальные — согревают сердце

До глубины. Привет вам, гость
отрадный!
Чтоб радость выразить, слов нехватает,
Но докажу ее я, сделав все,
Что я смогу.

ИАХИМО.

Благодарю, принцесса!
Или безумны люди? Иль природа
Глаз не дала им видеть красоту
Небес, сокровища земли и моря
И отличать звезду от тех камней,
Которыми усеяно побережье?
Иль взором мы не можем отличить
Уродства от красоты?

ИМОДЖЕНА.

Что так дивит вас?

ИАХИМО.

Не красота здесь! Даже павлин
Меж самок двух таких к прекрасной
льнет,
Отвергнув безобразную с гримасой.
И ум не виноват! Ведь идиот
Меж двух таких — один бы сделал
выбор.
Вкус неповинен! Мерзость рядом с
яством
Родит в пустом желудке тошноту,
А не желанье есть.

ИМОДЖЕНА. Что с вами?

ИАХИМО.

Только чан бездонный,
Желание пресыщенное наше,

Мечтает проглотить вслед за барашком
Грязь требухи.

ИМОДЖЕНА. Но что волнует вас?

Здоровы ль вы, синьор?

ИАХИМО. Благодарю! Здоров! (Пэзаньо.) Скажи
слуге,

Чтоб ждал меня, где я его оставил!
Он глуп и здесь чужой!

ПЭЗАНЬО. Я сам хотел

Пойти его ободрить! (Уходит.)

ИМОДЖЕНА. Скажите мне: здоров ли Постум мой?

ИАХИМО. Да, госпожа!

ИМОДЖЕНА. Как чувствует себя он в Риме? Весел?

ИАХИМО. Так весел он, что в Риме веселей
Нет иностранца. Мы его прозвали
Гулякою-британцем.

ИМОДЖЕНА. Часто здесь

Бывал он грустен, сам не зная точной
Причины.

ИАХИМО. Грустным я его не видел;

Он там дружит с одним французом
знатым,

В француженку влюбленным, что осталась
На родине. Как будто в горне мех,
Француз вздыхает; а веселый бритт,
Ваш муж, смеется над французом
грустным:

«Ну, как не хохотать, когда мужчина,

По опыту и понаслышке зная,
Что женщина и чем ей должно быть,—
Грустит, страшась, что с шеи сбросил он
Ярмо?»

ИМОДЖЕНА. Ужель так говорит мой муж?

ИАХИМО. Да, госпожа, а сам до слез хохочет.
Забавно их с французом слушать;
впрочем

Свидетель небо: люди есть, которых
Нам должно порицать!

ИМОДЖЕНА. Но ведь не мужа?

ИАХИМО. Не мужа!.. Должен был благодарить
Он больше небеса за дар. О, щедро
Он одарен! Но лучший дар небес —
Вы!.. Вы!.. Храня восторг, мне трудно
жалость

Свою сдержать.

ИМОДЖЕНА. Как жалость? но к кому?

ИАХИМО. К двум существам.

ИМОДЖЕНА. Вы так, синьор,
глядите,

Что ясно мне, что я — одно из них?!
Но почему?

ИАХИМО. Воистину, печально,

От солнца прячась, находить отраду
В огарке узнику.

ИМОДЖЕНА. На мой вопрос

Ответьте прямо: что в вас возбуждает
Такое чувство жалости ко мне?

ИАХИМО.

То, что другие вашему супругу
Даруют ласки... Нет! Пускай за низость
Карают боги! Я не должен вам
О ней повествовать.

ИМОДЖЕНА.

Прошу: откройте
Мне тайну, что касается меня.
Сказать желая, вы сказать боитесь;
Порою горше правды — подозренье;
Неведомое зло — неотразимо,
А во-время узнав опасность, можно
Беду предотвратить.

ИАХИМО.

Когда б устами
Я мог припасть к такой щеке, к руке,
Касание которой может клятву
Исторгнуть верности у всех, будь я
Прекрасной женщиною осчастливлен,
Пленяющей мой взор, досель бесцельно
Блуждавший, и посмей, презренный, я
Той участью и правом пренебречь,
Касаясь губ, доступных, как ступени
На Капитолий, рук, что огрубели
От лживых ласк, глядел бы в муть очей
Бесцветных, словно плашки с смрадным
салом,—

Изменнику, мне были б поделом
Все муки ада!

ИМОДЖЕНА. Речъ внушаетъ страхъ,
Что мужъ Британію забылъ.

ИАХИМО. Забылъ онъ
Себя! Убожество измены подлой
Не самъ открылъ я; вырвали признанье
Изъ сердца моего — и совершенства
И ваши чары.

ИМОДЖЕНА. Слушать не хочу я!

ИАХИМО. О, бедная душа! Больнымъ страданьемъ
Меня переполняетъ ваша участь.
Прелестница, что можетъ красотой
И знатнымъ родомъ блескъ царей
удвоить,—

Приравнена къ негоднице публичной,
Изъ вашей же казны берущей плату!
Да, къ дѣвкѣ зараженной, изъ корысти
На мерзости готовой, въ старый ядъ
Ядъ добавляющей!.. Отмстите! — Или
Не дочь вы королевы или вашъ родъ
Въ васъ измѣльчалъ!

ИМОДЖЕНА. Отмстить, вы говорите?!

Но какъ? Тому, что слышатъ уши, я
Душою легкомысленно не верю!
Коль правда все, что рассказали вы,
Какъ отомстить?

ИАХИМО. Вы жрицею Дианы
Хотите жить? * Въ холодной спать

постели?!

А муж, на ваш же счет и на́ зло вам,
С распутницами свел знакомство.

Мстите!

Себя всего для мести вам отдам!
Я лучше, чем беглец, что ваше ложе
Покинул дерзко. Буду верен вам я
И, как могила, нем!

ИМОДЖЕНА.

Сюда, Пэзаньо!

НАХИМО. Могу ль скрепить обет мой поцелуем?

ИМОДЖЕНА. Прочь! Я свой слух хочу проклясть за то,
Что слушала тебя. Будь честен ты,—
все это б

Ты рассказал, чтоб правду мне открыть,
А не с постыдной, изменною целью.
Клевещешь ты. Да! Чужды Леонату
Те подлости, как честь — чужда тебе.
Ты соблазняешь женщину, которой
Ты омерзителен, как дьявол. Эй,

Пэзаньо!

Сегодня ж королю-отцу скажу
О происках твоих. И коль сочтет он,
Что во дворце бесстыдство чужестранца,
Обычное в домах разврата Рима,
Терпимо может быть — так королю
До чести дочери своей несчастной
Совсем нет дела. Эй, сюда, Пэзаньо!

ИАХИМО. Счастливый Постум! Вера Имоджены
 В тебя достойна твоего доверья,
 А в свой черед достоинства твои —
 Достойны веры той! Жена супруга
 Прекрасного, о, гордость этих стран,
 И славный муж, такой жены
достойный,—
 Живите счастливо! Меня простите!
 Я мгал, чтоб знать, насколько вера в мужа
 Укоренилась в вас. Теперь хочу
 Изобразить его таким, как есть он,
 Чтоб воскресить его для вас. Он полон
 Достоинств, чародей, к себе сердца
 Влекущий.

ИМОДЖЕНА. Вы теперь стереть хотите
 От прежних ваших слов тяжелый след.
ИАХИМО. Он — бог, с небес сошедший к смертным
людям,

И обликом своим он вознесен
 Над смертными. Отбросьте гнев,
принцесса
 Достойная! Да! Ложью я дерзнул
 Вас испытать; но доказал мне опыт,
 Что мудро выбрали в мужа того вы,
 Кто не оступится и не падет!
 Его любя, испытывал я вас.
 В отличие от других,— без пятен вы
 Богами созданы. Простить прошу я!

ИМОДЖЕНА. Забыто все! Я вам служить готова!

АХИМО. Благодарю! Ах, да! Совсем забыл!
Есть просьба к вам густячная; она
Лишь тем важна, что в этом деле

Постум

Замешан так же, как и я с друзьями
Своими.

ИМОДЖЕНА. Расскажите просьбу мне!

АХИМО. Нас десять римлян, в том числе и

Постум,

Как лучшее перо в крыле, хотели

Подарок императору поднести:

Изысканную утварь в бриллиантах.

Во Франции я этот дар купил!

Как чужеземец, я, боясь за утварь,

Хочу найти надежней место, где бы

Ее хранить. Дар ценный у себя вы,

Быть может, спрячете?

ИМОДЖЕНА. Пусть будет честь

Моя порукой вверенного клада!

Коль Постум здесь замешан, ваш

подарок

Я в спальне спрячу.

АХИМО. В сундуке хранится

Мой дар под взором слуг; на эту ночь.

Коль вы позволите, его пришлю вам.

Я завтра еду!

ИМОДЖЕНА. Нет, останьтесь дольше!

ИАХИМО. Я не могу, чтоб слова не нарушить.
Из Галлии я море переплыл
Сюда, чтоб обещание исполнить:
Увидеть вас.

ИМОДЖЕНА. Благодарю за труд!
Отъезд отсрочьте свой!

ИАХИМО. Нельзя, принцесса
Прошу: коль весть желаете послать,
Сегодня же мне дать письмо! Промедля:
Я много дней. Подарок поднести
Нам надо в срок.

ИМОДЖЕНА. Иду писать письмо я.
Сундук пришлите, будет возвращен
Он вам в сохранности. Вы — гость
желанный!

Уходят.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Британия. Двор перед дворцом Цимбелина. Входят Клотэн и двое придворных.

КЛОТЭН. Бывало ли у кого-нибудь такое невезенье?! Мой шар уже близился к цели,— и вдруг налетает второй шар и отбивает мой! Это обошлось мне в сотню фунтов. А тут еще этот проклятый ублюдок с обезьяньей рожей стал ругаться за то, что я ругаюсь, как будто я беру ругательства у него взаймы и как будто я не могу выпускать брань изо рта в любом количестве!

ПЕРВЫЙ ПРИДВОРНЫЙ. А чего он добился? Только того, что вы проломили ему голову кегельным шаром.

ВТОРОЙ (про себя). Будь у пробитого — ума не больше, чем у пробившего, мозгу не вытекло бы ни одной капли.

КЛОТЭН. Когда человеку знатного рода хочется браниться, никто из присутствующих не имеет права его остановить.

ВТОРОЙ. Конечно, принц! (*Про себя.*) Так же как и ты не имеешь права терзать слух своей бранью.

КЛОТЭН. Сукин сын! И еще требовать от меня удовлетворения! Как бы ни так! Другое дело, если б он был мне ровня по титулу!

ВТОРОЙ (*про себя*). То есть, был бы крутым дураком.

КЛОТЭН. Я возмущен! Чума на его башку! Ничто не может так обозлить меня, чорт побери! Я был бы рад не принадлежать к такому высокому роду. Из-за того, что моя мать — королева, никто не смеет драться со мной! Любой простолудин может доставить себе это удовольствие и драться с кем угодно и сколько угодно, а я вынужден шагать в гордом одиночестве, как петух среди кур.

ВТОРОЙ (*про себя*). Ты не петух, каплун! Петушиного в тебе только то, что ты петушишься.

КЛОТЭН. Что ты сказал?

ВТОРОЙ. Только то, что вам не пристало драться с каждым, к кому пристало ваше высочество!

КЛОТЭН. Конечно! Но мне пристало обижать тех, кто ниже меня.

ВТОРОЙ. Пристало, ваше высочество!

КЛОТЭН. Надеюсь!

ПЕРВЫЙ. Слышали ли вы, принц, что ко двору прибыл иностранец?

КЛОТЭН. Как? Прибыл иностранец, и я этого еще не знаю?

ВТОРОЙ (про себя). Мало ли чего ты еще не знаешь! Например, того, что ты — дурак.

ПЕРВЫЙ. Он — итальянец и, как говорят, друг Потума.

КЛОТЭН. Друг этого изгнанного мерзавца?! — Мой друг, друг мерзавца — сам мерзавец!.. Кто тебе сказал об этом итальянце?

ПЕРВЫЙ. Один из ваших пажей.

КЛОТЭН. А что, если я пойду и посмотрю на прибывшего? Ведь я этим не уроню себя в глазах света, и никто не будет думать обо мне хуже, чем он думает сейчас?

ПЕРВЫЙ. Это невозможно, ваше высочество!

КЛОТЭН. Я тоже так думаю!

ВТОРОЙ (про себя). Ты — общеизвестный дурак, и твои поступки, будучи вполне дурацкими, более дурацкими стать уже не могут.

КЛОТЭН. Пойду и посмотрю на этого итальянца! То, что я проиграл в шары днем, я отыграю у него сегодня вечером.

ВТОРОЙ. Я иду за вами, принц!

Клотэн и первый придворный уходят.

Могла же мать, лукавая чертовка,
Родить осла?! Она преграды может

Все победить; он — двух из двадцати,
Чтоб восемнадцать получить в остатке,
Не может вычесть! — Горько Имоджене
Между отцом — у мачехи слугой —
И мачехой, плетущей сети козней,
Поклонником, который ненавистней
Разлуки с мужем, изгнанным отсель!
Пусть целомудрие твое и честь
Твою, принцесса, небеса поддержат,
Храня прекрасный храм твоей души
И жизнь твою, и мужа вновь вернут
И с ним тебя на царство возведут!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Спальня. В одном из углов стоит большой сундук. Имоджена читает, лежа в постели; в отдалении Елена.

ИМОДЖЕНА. Елена! Ты ли здесь?

ЕЛЕНА.

Да, это я!

ИМОДЖЕНА. Который час?

ЕЛЕНА.

Принцесса, скоро полночь.

ИМОДЖЕНА. Уж три часа читаю я... Глаза
Слипаются... Загни страницу эту
И спать ступай! Свечи не уноси
И разбуди меня часа в четыре,

Коль ты проснешься... Сон .одолевает!..

Елена уходит.

Защите вашей отдаюсь я, боги!
От искусителей и духов ночи
Меня храните вы!.. (*Засыпает.*)

Из сундука вылезает Иахимо.

ИАХИМО.

Сверчки поют!.. Спокойный сон несет
Усталым мощь... Так по коврам

Тарквиний

К невинности подкрался * и нанес
Ей рану тяжкую... Как украшаешь,
Цитера, ложе ты!..* Своих покровов
Ты, лилия, белей... Когда б коснуться
Я поцелуем мог, лишь раз припасть
К рубинам этих губ... Наполнен воздух
Ее дыханьем... Наклонился к ней
Огонь свечи и смотрится под веки
В задернутый завесою зрачок,
А он — синей лазури чистой небал..
Запомню спальни вид и запишу я:
Картины здесь, такой-то полог ложа,
Вот здесь окно... Такие-то фигуры
Стенных ковров... Когда б мне удалось
Особую телесную примету
Увидеть!.. Для меня она была бы
Свидетельством таким неотразимым,

Ценнейшим, чем мой перечень подробны
Картин и обстановки этой спальни.
Сон, обезьяна смерти! Тяжесть лап
На спящую ты наложи! Пусть станет
Недвижною, как памятника мрамор!

(Снимает с ее руки браслет.)

Сползай, браслет! Податлив так же ты,
Как узел гордиев был неподатлив!
Ты — мой! Уликой будь, своди с ума
Супруга!.. Слева на груди у ней,
Как пятнышки на белой буковиде,
Пять красных точек родинки... Такой
Улики хватит и суду... Заставлю
Поверить мужа, что, сломав замок,
Клад чести я украл... Нет, мне не надо
Записывать примету. В мозг она
Мне врезалась!.. До полночи читала
Историю Теряя: загнут лист.
Там, где сдается Филомела *... Хватит
С меня! Полезу я в сундук опять.
Драконы ночи, торопитесь! Утро,
Ты воронам открой скорее взгляд!..
Здесь ангел спит, но близок здесь и ад!

Бой часов.

Раз!.. Два!.. Три!.. Время, время!

(Прячется в сундук.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дворец. Перед комнатой Имоджены. Входят Клотэн и придворные.

ПЕРВЫЙ. Вы, принц, поразительно спокойно относитесь к проигрышу. Я никогда не видывал игрока, который, проигрывая такие суммы единым духом, так не падал бы духом! Вы необычайно хладнокровны!

КЛОТЭН. Когда проигрываешься в пух и прах, поневоле становится так холодно, что даже бросает в жар.

ПЕРВЫЙ. Но редко, кто так мирится с проигрышем, как вы. Зато, когда вы выигрываете, вы преображаетесь: вы выходите из себя и горячитесь.

КЛОТЭН. Да! Выигрыш горячит и бодрит! Ах, если б у меня хватило ума свести эту дуру с ума и овладеть ею! Тогда у меня была бы сума полна золотом! Что это? Уже светает?

ПЕРВЫЙ. Уже утро, принц.

КЛОТЭН. Так пусть идут музыканты! Мне советовали каждое утро преподносить Имоджене порцию музыки!

Входят музыканты.

Сюда! Сюда! И за работу! Сыграйте сначала что-нибудь позабористей, потом спойте ей серенаду понежней и чтоб слова были наивеликолепнейшие. А там посмотрим, как она на все это посмотрит!

ПЕСНЯ

Чу! Птица с песней в небеса летит,
И Феб коней поит
Росой, которая в цветках
Таится утром в лепестках!
Зари почуяв золотой
Приход и свет лучей,
Цветы глазок открыли свой!
О, милая! Вставай скорей,
Вставай скорей!

Достаточно! Убирайтесь прочь! Если эта музыка ее тронет, тогда я преклоняюсь перед музыкой. Если же нет, то, значит, у невесты в ушах — порок, и его не исправишь, сколько ни пили конским волосом по бараньей кишке.

Входят Цимбелин и королева.

ВТОРОЙ. Вот идет король!

КЛОТЭН. Как хорошо, что я не ложился спать, и поэтому можно сказать, что я встал рано. Король, как отец, будет рад, что я так внимателен к его дочери. С добрым утром, ваше величество, и вы, моя матушка.
ЦИМБЕЛИН. Ждешь у дверей суровой Имоджены?

Она еще не встала?

КЛОТЭН. Я напал музыкой на ее слух, но, видно, судя по тому, что ее не видно, мой натиск не произвел никакого впечатления.

ЦИМБЕЛИН. Недавнее изгнание супруга
Не позабыто ею. Скоро время
Сотрет в душе след памяти о нем.
Тогда — она твоя!

КОРОЛЕВА.

Благоволит

К тебе король. Тебя всегда он хвалит
Пред дочерью. Так будь смелее сам,
Встречайся чаще с ней, и чем отказ
Ее решительней, тем ты усердней
Изображай, что сердце быть велит
Любезным и что в нем одно желанье:
Ей нравится. Покорствуй ей во всем;
Когда ж она прикажет удалиться,—
Стань глух и нем...

КЛОТЭН.

Чтоб стал я глух и нем?

Входит гонец.

ГОНЕЦ.

Из Рима прибыли послы. Кай Люций—
Глава посольства.

ЦИМБЕЛИН.

Он — достойный муж.

И не его вина, что прибыл с делом
Нам неприятным. Примем мы посла,
Как сан пославшего велит, а также —
Достоинства посла и те услуги,
Что нам он оказал.— Любезный сын!
Поговорив с твоей царицей сердца,
К нам приходи, чтоб получить совет,

Как встретить должно римлян. Мы
уходим.

Цимбелин, королева, придворные и свита уходят.

КЛОТЭН. Коль встала — с ней поговорю; коль
нет,—

Пускай лежит, мечтая!

(Стучит в дверь спальни.)

Эй! Кто там!

При ней всегда прислужницы. Одну
Из них не подкупить ли мне? Нередко
Мы золотом раскроем дверь; оно
Всех лесников Дианы заставляет,
Забыв свой долг, к ворам пригнать
оленья;

Чтобы спасти воров, оно петлю
Присудит честному; порой и вора
И честного осудит; все развяжет
И свяжет всех. Пусть за меня хлопочет
Служанка. Сам я слаб в таких делах!

(Стучит.)

Эй! Кто там?!

Выходит служанка.

СЛУЖАНКА. Кто здесь?

КЛОТЭН. Я!.. Принц!

СЛУЖАНКА. И только?

КЛОТЭН.

Сын я той.

Чей сан высок!

СЛУЖАНКА.

Высокого нет сана

У многих, у кого наряд не хуже,

Чем, принц, у вас. Но что вам здесь
удовно?

КЛОТЭН.

Увидеть госпожу!.. Она готова?

СЛУЖАНКА.

Готова... вас не видеть никогда.

КЛОТЭН.

Вот золото. Продай расположение.

СЛУЖАНКА.

Расположиться к вам, предавши честь,
Иль к вам других расположить? —

Принцесса!

Входит Имоджена.

КЛОТЭН.

Сестрица! С добрым утром! Вашу руку!

(Целует руку.)

ИМОДЖЕНА. Принц, с добрым утром! Трудитесь вы
тщетно!

Считите мой совет за благодарность.

Я ею так бедна, что не могу

Благодарить.

КЛОТЭН.

И все ж, клянусь, люблю вас!

ИМОДЖЕНА. Мне все равно — клянетесь или нет.

Я клятвам прежний дам ответ: любви
мне

Не нужно вашей!

КЛОТЭН.

Это не ответ!

ИМОДЖЕНА. Я б не ответила, но вы молчанье
Мое могли бы за согласие счесть.
Меня оставьте. Высшая любезность
Лишь нелюбезность вызовет мою.
Мудрец, как вы, свои мечты отбросит!

КЛОТЭН. Грех было б вас безумною оставить.
Я не хочу!

ИМОДЖЕНА. Дурак — не врач безумью.

КЛОТЭН. Я — дурак?

ИМОДЖЕНА. Ну да, коль я безумна!
Отстаньте — и моя болезнь пройдет;
Излечимся мы оба; мне досадно,
Что я должна, приличья позабыв,
Так прямо говорить. Но знаю сердце
Свое и говорю чистосердечно,
Что вас я не люблю, а ненавижу.
Приятнее мне было, если б сами
Вы это поняли, не принуждая
Быть с вами грубой...

КЛОТЭН. Вами долг нарушен
Повиновения отцу. Постыден
Ваш брак с безродным, вскормленным
крохами
С дворцового стола и подаяньем.
С простолюдином брак — брак
незаконный!
Да! Чернь (ваш муж ничтожней всякой
черни)

Любыми узами связаться может,
Чтоб нищих наплодить ребят. У вас
То право отнято грядущим троном:
Короны блеск вы не должны пятнать,
Сойдясь с рабом, что создан для ливреи
Иль чтоб обноски с барского плеча
Носить. Он даже не имеет права
Быть ключником!

ИМОДЖЕНА.

Так знай, проклятый
изверг:

Будь сыном Зевса ты и будь таким же,
Каков ты есть,— ты б конюхом не смел
Быть мужу. По достоинствам твоим
Считай за честь быть в королевстве
мужа

Подручным палача,— и то завистник
Сказал бы, что тебе напрасно дали
Чрезмерный пост.

КЛОТЭН.

Пусть он в чуме сгниет!

ИМОДЖЕНА.

Несчастье мужа в том, что смеешь имя
Его ты вслух твердить. Белье, что тела
Его касалось,— мне дороже всех
Твоих волос, хотя бы каждый волос
Таких, как ты, родил!

Входит Пэзаньо.

Ты что, Пэзаньо?

КЛОТЭН.

Белье! Чорт знает что!

ИМОДЖЕНА (*Пэзаньо*). Скорей ступай к служанке
Доротее!

КЛОТЭН. Белье!

ИМОДЖЕНА. Как злит меня дурак
влюбленный!

Пусть ищет Доротея мой браслет.
Он соскользнул с руки; подарен мне
Он Постумом; его б не променяла
На все доходы лучшего из царств.
Мне кажется, что видела я утром
Его; вчера ж он был на мне: пред
сном

Его я целовала. Не сбегал же
Он к мужу!

ПЭЗАНЬО. Нет! Браслет не мог пропасть!

ИМОДЖЕНА. Найди его!

Пэзаньо уходит.

КЛОТЭН. Меня вы оскорбили,
Сравнив с бельем!

ИМОДЖЕНА. Готова на суде
При всех я повторить мое сравненье.

КЛОТЭН. Пусть слышит ваш отец!

ИМОДЖЕНА. И ваша мать!

Она меня так любит, что сочтет
Меня виновной. Я иду, оставив
Вас злобствовать.

(Уходит.)

ПОСТУМ

Хотя я не политик
И вряд ли буду им, но полагаю,
Что быть большой войне. Скорей
услышим
Мы с вами весть о высадке полков,
Что ныне в Галлии, на брег британский
Чем дань заплатит он. Теперь британцы
Не так неопытны, как встарь, когда
Над ними Цезарь издевался, хмурился
От их отваги. Ныне храбрость их
В содружестве с искусством ратным —
миру
Докажет, что шагает в ногу с веком
Народ наш храбрый!

Входит Иахимо.

ФИЛАРЬО.
ПОСТУМ.

Посмотри: Иахимо!
О, скоро вы вернулись! Мчали лани
По суше вас? Или попутный ветер
Ваш парус целовал?

ФИЛАРЬО.
ПОСТУМ.

Привет, сеньор!
Надеюсь, ваш приезд ускорил краткий
Ответ?

ИАХИМО.
ПОСТУМ.

Сеньор! Я редко видел женщин
Таких прекрасных, как жена у вас.
И лучшую из жен! Пускай иначе
На улице она красой обманной
Пленяет всех гуляк.

■АХИМО.

ПОСТУМ.

■АХИМО.

ФИЛАРЬО.

Вот вам письмо!

Приятное, надеюсь?

Может быть!

При вас ли к Цимбелину прибыл хра-
брый

Кай Люций?

■АХИМО.

Ждали там его.

Но он не прибывал.

ПОСТУМ.

Что ж, хорошо!

Блестит ли перстень мой, как встарь,
иль тусклым

Для ваших глаз он стал?

■АХИМО.

Я должен был,

Коль проиграю, золото отдать?!

Вновь в путь готов, чтоб провести
вторично

Столь радостно промчавшуюся ночь,
Как там провел. Ваш перстень стал моим.

Взять перстень не легко!

ПОСТУМ.

■АХИМО.

С женою вашей

Труд легким стал!

ПОСТУМ.

К чему вам обращать

В смех вашу неудачу? Нет, друзьями

Нам не бывать!

■АХИМО.

Наоборот, сеньор!

Я спорил честно. Я бы проиграл,
Коль не узнал бы Имоджены близко.
Но спор мной выигран! И честь жены

И перстень — все мое! Не виноват я
Пред вами, как и пред женою вашей:
Я поступил, как разрешили мне
Вы и она!

ПОСТУМ.

Скорее докажите,
Что ложе с ней делали, и тогда —
Ваш перстень. Если ж нет, мечом за
дерзость
И ложь вас накажу. Меч мой иль ваш,
Иль оба пусть осиротеют. Пусть их
Прохожий подберет!

ИАХИМО.

Вас очевидность
Беспорно убедит; я под присягой,
Коль надо, подтверждаю мои слова;
Но бесполезность своего сомненья
Увидев, вы освободите здесь
Меня от клятв.

ПОСТУМ.

Я жду!

ИАХИМО.

Вот описание
Той спальни, где не спал, но с наслаж-
дением
Я ночь провел и не жалел о сне!
В ней шелковые с серебром ковры;
Здесь Клеопатра, гордая пред встречей
С Антонием; здесь Кинд, что от
тяжелых
Судов, гордясь, из берегов выходит;
Не знаю, что ценнее: матерьял

Иль мастера работа? Поражен я
Был четкостью изображений: все
Живым казалось.

ПОСТУМ.

Верно! Но могли вы
Об этом слышать от меня, могли —
И от других.

ИАХИМО.

Подробностей иных
Вы просите?

ПОСТУМ.

О, да! Иль назову вас
Клеветником!

ИАХИМО.

В углу стоит камин;
На нем — изображение Дианы
В ручье. Оно — вот-вот заговорит!
Природу мастер превзошел в работе:
Он дал богине жизнь и не дал только
Дыханья и движенья.

ПОСТУМ.

Вы об этом
От очевидцев знать могли: Диану
Хвалили многие.

ИАХИМО.

Рой херувимов
На потолке; из серебра амуры,
Чуть опершись на факел, на решетке
Камина на одной ноге стоят,
Зажмурясь. Чуть не позабыл..

ПОСТУМ.

В том нет
Пятна для чести! Да, вы все видали,
Запомнили. Но, спальню описав

И все, что в ней, еще не заслужили
Кольца.

ИАХИМО. Коль можете,— бледнейте вы!
(Достает браслет.)

Прошу взглянуть!.. Теперь его отдайте
Назад!.. Я спрячу их, соединив
С браслетом бриллиант ваш.

ПОСТУМ. О, Юпитер!
Взглянуть еще позвольте мне!.. Ведь это
Подарок мой!

ИАХИМО. Я благодарен ей:
Она браслет сняла и с нежным жестом,
Удвоившим подарка ценность, мне
Его отдав, шепнула: «На! Когда-то
Я дорожила им!»

ПОСТУМ. Чтоб передать
Его мне, отдала?

ИАХИМО. Она так пишет?
ПОСТУМ. Нет, нет! Он прав! Возьми же и
кольцо!
(Отдает.)

Как василиск, оно глаза мне ранит*.
Так значит — чести нет, где есть краса?
Нет правды там, где все лишь показное?
Любви, где есть другой мужчина? Так же
У женщин мало верности любимым,
Как мало чести?! Чести — нет совсем!
Безмерное коварство!

ФИЛАРЬО.

Успокойся!

Возьми назад кольцо. Не проитрал ты!
Браслет мог быть твоей женой потерян,
Быть может, он подкупленной служанкой
Украден у нее.

ПОСТУМ.

Конечно! так

Он завладел им! Мне верни мой
перстень!
Браслет украден! Иль на теле милой
Примету тайную скажи.

ИАХИМО.

Клянусь

ПОСТУМ.

Юпитером, браслет с руки мной взят!
Юпитером поклялся? Значит, правду
Он говорит. Тогда кольцо оставь!
Да, правда, не украден он! Служанки
Ее честны и не пойдут на кражу,—
И для кого? Для иностранца? Нет!
Вот доказательство ее паденья!
Позор оплачен дорогой ценой.
Бери заклад! Пусть демоны из ада
Венчают вас!

ФИЛАРЬО.

Спокойнее, мой друг!

Всех этих доказательств мало, если
Уверен ты...

ПОСТУМ.

Достаточно вполне!

Он с нею спал!

ИАХИМО.

Вам мало? У нее

Под грудью есть родимое пятно;

Оно гордится этим местом, просит
Устами лгнуть к нему. Я целовал
Его и вновь воскрес для наслаждения,
Хотя был сыт! Вы помните про это
Пятно?

ПОСТУМ. Да! О другом пятне оно
Волиг, таком большом, что в преисподней
Не вместится!

ИАХИМО. Продолжить ли рассказ?
ПОСТУМ. К чему мне счет ее измен: одна ли
Иль миллион?!

ИАХИМО. Клянись...
ПОСТУМ. Не надо кляты!
Ах, клятва в честности жены — солжет!
Коль отречешься от рогов, тобой мне
Наставленных, — убью!

ИАХИМО. Не отрекись!
ПОСТУМ. Будь здесь она — в куски я растер-
зал бы!

В Британии, перед лицом отца,
Так поступаю! (Уходит.)

ФИЛАРЬО. Взбешен он, не владеет
Собой!.. Пойдем за ним!.. Он может в
злобе

Все сделать над собой.
ИАХИМО. Ну, что ж! Пойдем!

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

В Риме, другая комната в доме Филарьо.

Входит Постум.

ПОСТУМ. Иль в свете нам и жить нельзя без
женской

Подмоги? Все обмануты мы, все!
И тот почтенный муж, кого зову я
Отцом,— был где-нибудь вдали, когда
Меня чеканили,— и я был создан
Монетою фальшивой. А меж тем
Дианою дней своих казалась мать,
Как чудом наших дней — жена.

О, мщенье!

Краснея, скромница не раз стыдила
Моих законных ласк и умоляла
Сдержать порыв страстей. Старик

Сатурн *,—

Ее увидев, вспыхнул бы! Я — чистой,
Как снег, ее всегда считал. О, дьяво
Иахимо смуглый в час, о, нет! скорее
В мгновенье, как кабан лесов германски
Упитанный, «го» хрюкнув, без борьбы
Ее познал... Хочу в себе самом я
Найти часть женскую. Да, громоглас
Я утверждаю: все пороки наши —
Наследье женщины. От женщин —

ложь,

И склонность льстить, и наше веро-
ломство,

И похоть помыслов, и мстительность,
все:

Причуды, алчность, честолюбье, чванство,

Презренье, ветренность и злой язык!..

Пороки те, что знают мир и ад.

Частично ль, полностью ль, да,
целиком!—

У нас от женщин! Ах, в самих пороках

Вы, женщины, всегда непостоянны:

Забыв один порок,

Пленявший их, они спешат к другому.

Что манит новизной! Их прокляну

И в книгах опишу, возненавидя!

Иль нет! Чтоб мщенье удовлетворить,

Им надо дать свершать все, что хотят:

Им тоньше пытки не найдет и ад!..

(Уходит.)

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Британия. Зал для приемов во дворце Цимбелина. С одной стороны входят Цимбелин, королева, Клогэн и вельможи, с другой стороны — Кай Люций со свитой.

ЦИМБЕЛИН. Чего от нас желает Цезарь Август?
ЛЮЦИЙ. Когда наш Юлий Цезарь *, о котором
Живет и вечно память будет жить
В легендах и молве, смирил ваш край,—
Кассибелан, твой дядя, кто прославлен
Деяньями и Цезаря хвалой,
Дал за себя и за потомков клятву
Трехтысячную Риму дань платить
Год каждый. Ты же уклоняться начал
От платежа.

КОРОЛЕВА. Вот наш ответ: мы больше
Платить не станем.

КЛОТЭН.

Юлия второго

Меж новых цезарей мир не родит.
Наш край — отдельный мир, и дань
за воздух!

Платить не будем мы!

КОРОЛЕВА

Стеченье дел,

Что дали Риму покорить наш остров,
Теперь поможет нам.— О, вспомни
предков!

Король! Твой остров укреплен природою
Под скипетром Нептуна он*; его
Хранят пучина, отмели и скалы;
Пески не пустят вражьих кораблей,
Всосав суда вплоть до верхушек мачт.
Здесь Цезарь, побеждая, похвалиться
Не мог, что, как в других краях, мгновенно
«Пришел, увидел, победил»*. Сначала
Был побежден, от берегов отброшен.
И дважды он разбит; суда его,
Как жалкие игрушки, гибли в море;
Дробясь о скалы, будто скорлупа.
Судьба смеялась, и Кассибелан
Меч Цезаря готов был захватить;
Потешными огнями осветил
Он город Люду*, мужество вселяя.
В британские сердца.

КЛОТЭН. Да что тут долго толковать? Мы ~~дань~~
платить не будем! Британия теперь посильней, чем ~~была~~

прежде. Да и у вас теперь уж нет такого Цезаря, как прежде. У Августа нос, может быть, и подлиннее, да руки покороче.

ЦИМБЕЛИН. Мой сын! Дай матери договорить!

КЛОТЭН. Теперь у многих из нас кулаки такие же здоровенные, как были у Кассибелана. Я не хочу этим сказать, что я тоже из их числа, но и у меня рука здорова! Чтоб мы платили дань? Какую дань? За что? Вот если б Цезарь сумел завесить простыней солнце или стащить луну и спрятать ее в карман, ну, тогда мы стали бы платить за свет, а теперь — нет! Нечего и говорить о какой-то дани.

ЦИМБЕЛИН. Вы знать должны, что были мы сво-
бодны,

Пока нас не заставил дерзкий Рим
Дань заплатить, и Цезарь в честолюбьи,
Наполнившем весь мир, решил на нас
Несправедливо наложить ярмо.
Ярмо стряхнуть — долг каждого народа
Воинственного. Мы — такой народ!
Мы Риму ныне говорим: наш предок
Мульмуций дал законы нам *, но их
Меч Цезаря чрезмерно изувечил.
Долг доблести для нас восстановить
Законы, иго чужестранцев сбросив.
Пусть в гневе Рим! Нам дал закон
Мульмуций!..

Он первым был британцем, на чело

Надевшим золотой венец и титул
Принявшим короля.

ЛЮЦИЙ.

Жаль, Цимбелин!

Я должен Августа, под чьей властью,
Несметней королей, чем у тебя
Вельможей, объявить твоим врагом.
От имени его провозглашаю
Тебе войну! Гнев будет беспощаден!
Что ж до меня—за твой прием, король,
Шлю благодарность я.

ЦИМБЕЛИН.

Будь гостем, Люций!

Сан рыцаря был Августом мне дан,
И, юношей я под его начальством
Служил. Он, дав мне честь, теперь
желает

Ее отнять!—Панонны и Далматы
Восстали, чтоб добыть свободу;

бритты;

Коль не последуют примеру, будут
Считаться трусами. Пред Римом трусит
Не будем мы.

ЛЮЦИЙ.

Грядущее покажет!

КЛОТЭН. Его величество извоило назвать вас своим гостем! Проведите у нас в весельи денек-другой, а если проведется, то и дольше. Но если вы потом прибудете сюда с иными намереньями, то найдете нас все на том же острове, опоясанном соленой водицей. Если вы силой своего оружия острого выгоните нас с

острова,—чорт с вами! Остров ваш. Но если вы не завоюете наш остров со всех сторон, так станет ваш остров пищей наших ворог. Лучше не скажешь!

ЛЮЦИЙ. Да, принц!

ЦИМБЕЛИН. Мысль Цезаря я знаю, он — мою;
Вы ж будьте гостем дорогим у нас!

Все уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другая комната во дворце. Входит Пэзаньо, читая письмо.

ПЭЗАНЬО. В измене? Как? Зачем не пишешь, кто Чудовищно клеветает на принцессу? О, господин! Чьим ядом странным слух Отравлен твой? Кто — гнусный итальянец,
Что мог отраву влить в твой мозг делами
И словом злым? Ее измена? — Нет! За верность мучится она. Измена? Не как жена, а как богиня, сносит Нападки, что способны сокрушить Любую добродетель.— Господин мой! Ты ниже стал жены душой, как прежде Рождением ниже был. Во имя клятв

Молчат! Ах, грусть сама лекарством
будет
И силы даст любви. Будь всем доволен,
Но не разлукой!

(Срывает восковую печать.)

Добрый воск! Вас, пчелы,
Благодарю за воск, печать на тайне!
Иное воск любовникам несет,
Чем должникам: одним грозит тюрь-
мою,
Амура тайну для других хранит.
Молю богов, чтоб вести были добры!

(Читает.)

«Ни грозный приговор, ни гнев твоего отца, будь я схвачен в его королевстве,—ничто не пугает меня. Я готов на все, только бы ты, бесценная моя, вернула мне жизнь, позволив бросить на тебя мой взор. Знай: я в Камбрии, в Мильфордской гавани, и поступай так, как повелит тебе твоя любовь. Счастье любимой—это единственная забота того, кто верен своим клятвам и любви, растущей с каждым днем. Леонат Постум».

Коня! Коня! Крылатого коня!
В Мильфорде он?! * Прочти! (Дает письмо.) Скажи, Пезаньо,

Далеко ль это? Коль по пустякам
Неделю путь туда, мне ль не домчаться
За сутки? Ты, Пэзаньо, как и я,
Ждешь встречи с ним; в мечте нетер-
пеливой.

Сгораешь ты, но все ж не так, как я
Не так, как я! Нет ничего огромней
Моей мечты его обнять. Скажи,
И громче, громче, как любви наперсник
Ты радостью мой слух переполняй!
Скажи: Мильфорд желанный далеко ли?
Какое счастье для Уэльса город
Такой вмещать! Как нам уйти украдкой
Отсюда? Как нам скрыть от всех часы
В Мильфорд дороги и пути обратно?
Сперва: как нам уйти? К чему искать
Нам оправданий для того, что нами
Еще не сделано? Об этом — позже!
Скажи, как много миль за день проехать
Верхом мы можем?

ПЭЗАНЬО.

Двадцать миль с трудом

С рассвета до заката, но не больше.

ИМОДЖЕНА.

Что? — Человек, плетущийся на кази
Так медленно б не ехал! Мчатся кони
В ристалищах быстрее песка в часах!
Ступай, вели служанке, чтоб больною
Прикинулась, сказав, что уезжает
К отцу. Добудь дорожный мне наряд.

Не слишком пышный, а такой, как
носят

Крестьянки здесь.

ПЭЗАНЬО.

Обдумать бы все надо!

ИМОДЖЕНА. Друг! Лишь вперед глядеть могу я!

Справа

И слева, сзади — все закрыл туман.

Не вижу сквозь него! Ступай! Приказ

мой

Ты выполнить скорее не забудь!

В Мильфорд! О, лишь в Мильфорд

открыт мне путь!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

*Уэльс. Горная местность. Среди скал — пещера,
Из нее выходят Бэларий, Гвидерий и Арвираг.*

БЭЛАРИЙ. День так хорош, что стыдно быть под
кровлей,

Коль низок кров! Нагнитесь, дети! Вас

Кров учит головы склонять пред небом

И солнцем утренним. У королей

Так потолок высок, что и гигант,

Чалмы не сняв, не склонится пред

солнцем.

Благодаренье небу!.. Мы в пещере

Живем, но наши души благодарней

Души вельмож.

ГВИДЕРИЙ.
АРВИРАГ.
БЭЛАРИЙ.

Привет!

Привет, о небо!

Пора на лов! На горную вершину!
Вы — легконоги, мой — в долину путь!
Когда вам покажусь я с вороженка,
Поймите: место, где стоим мы, нас
Растит иль уменьшает. Я твердил вам,
Что при дворе за службу чтут не службу
Достойную, а то, что там привыкли
Считать за службу. О, поймите, дети
Для утешенья вы, что часто жук
Броней из крыльев больше защищен,
Чем плавающий в воздухе орел.
Поверьте: жить, как мы живем, —
отрадной.

Чем в униженьи жить. Богаче мы
Бездельников, стремящихся к подачкам
Их шелковый наряд взят в долг; поклон
Отвесит им, но долга не простит им
Их кредитор. Нет! Лучше наша жизнь!
Ты опытен, а мы, птенцы, чьи крылья
Слабы, летаем близ гнезда, не зная
Окрестный воздух. Коль в покое
счастье —

Мы счастливы. Ты, знавший скорбь, —
под старость

Покою рад. Нам эта жизнь — темница
Неведенья, как злостным должникам,

ГВИДЕРИЙ.

Боящимся покинуть дом и встретить
Займодавца.

АРВИРАГ.

Что другим мы скажем,
Как ты, состарившись? Как станем мы
В пещере коротать день зимний,
хмурый,

Когда декабрьский ветер за стеной
Завоев злобно? Мир нам незнаком!
Как звери — мы: хитрей лисы — в охоте,
Смелей волков — в добыче; храбро мы
Тех гоним, кто от нас бежит. Как
птицы,

Мы клетку превращаем в клирос, вольно
Неволю воспевая.

БЭЛАРИЙ.

Что за речи?!
Когда б вы знали в городах — продаж-
ность
И зло двора! С двором расстаться
трудно,
Жить в нем — труднее!.. Путь к вер-
шине крут —
Нельзя не пасть! Иль скользок: страх
паденья —
Страшней паденья! Тяжек труд войны:
Во имя славы ищешь ты опасность
И в поисках находишь смерть, помянут
Не чаще похвалой, чем клеветой.

О, сколько раз хулу за доблесть

встретив,

Ты вынужден приветливо сносить
Несправедливость. Мир такую повесть
На мне прочесть бы мог: мечами Рим
Изранен я; я первым в славе был
Любимцем Цимбелина, и лишь вспомя
Храбрейших,— назовут меня; я был,
Как дерево, что гнется под плодами.
Настала ночь — и буря или воров,
Сорвав с меня плоды, сорвав листву,
Совсем нагим оставили меня
Под стужею.

ГВИДЕРИЙ.
БЭЛАРИЙ.

Изменчивое счастье!

Я говорил вам: я вины не знал,
Но оклеветан был двумя лжецами.
Король поверил лживым клятвам их,
Что с Римом тайно я сдружился. Вскоре
Был изгнан я, и вог уж двадцать лет
Безлюдье скал — весь мир мой. Я
Живу в свободе славной и хвалений
Здесь небу больше возношу, чем прежде
За все года.— Пора итти вам в горы!
Не для охотников слова такие!
Кто первый дичь убьет,— царем тот
должен
Быть на пиру, а два других — служить.
Как при дворе, бояться нам не надо

Отравы. С вами встречу я в долине!
Гвидерий и Арвираг уходят.

Природы вспышки трудно подавлять!
Не знают юноши, что оба — принцы.
А Цимбелин — что живы сыновья!
Они меня отцом считают; я
Их в простоте взрастил, среди пещеры,
Где в рост и встать нельзя; они мечтой
Стремятся во дворец, в делах ничтож-
ных —

Как царственны они! Когда рассказ
Веду о подвигах моих старинных
Я со скамьи трехногой, Полидор,
Наследник Цимбелина (он — Гвидерий
Отцом был назван), в пламенном восторге
Речам внимает. Только я скажу:
«Так пал мой враг, а так ему на шею
Я наступил!» — как кровь царей ему
Лик озарит, чело покроет потом,
И жестами дополнен мой рассказ!
Кадвал (он — Арвираг) к моим рассказам
Внимателен и проявляет часто
Свой нрав горячий... Чу! зверь поднят
ими!..

Король! Лишь совести моей и небу
Известно: изгнан я несправедливо!
Я ж сыновей похитил у тебя,

Да! Почерк мужа!.. В Риме, где умеют
Готовить яды, муж отравлен мой
И, околдованный, попал в беду он?
Ответь, Пэзаньо; речь смягчит удар,
Что мне несет письмо, удар, который
Стать может роковым.

ПЭЗАНЬО.

Читайте сами!

Нет в мире никого, к кому была бы
Судьба жесточе, чем ко мне!

ИМОДЖЕНА (читает). «Пэзаньо! Твоя госпожа
осквернила непотребством мое ложе, кровь льется из
моего сердца; измена Имоджены доказана. У меня не
ничтожные подозренья. Доказательства так же велики,
как мое горе, и так же верны, как, я надеюсь, будет
верным мое мщенье. Вся моя надежда на тебя, мой
Пэзаньо! Если ты не хочешь стать клятвопреступни-
ком, ты должен стать моим мстителем. Пусть Имод-
жена погибнет от твоей руки! Убей ее в Мильфорд-
ской гавани, куда ее приведет мое письмо. Если ты
не убьешь распутницу и не убедишь меня в ее ги-
бели, то я сочту тебя за сообщника ее бесчестья и
за такого же изменника, как она сама».

ПЭЗАНЬО.

К чему мне острие меча? Письмо
Ей горло перерезало... Ах, жало
Клевет острей мечей и крокодилов
Ужаснее!.. Оно на крыльях ветра
Летит, пятная королей, и женщин,
Вельмож, и девушек, и королев;

Змеей ползет в могилы, отравляя
Их тишину.— Что с вами, госпожа?

ИМОДЖЕНА. Я неверна? Что значит — быть неверной?

Лежать без сна, о милом помышляя?
Лить слезы? Если ж сон одержит верх
Над горем,— сон прервать зловещий
криком,

Страшась за милого? Неверность это?
Скажи!

ПЭЗАНЬО. Увы, принцесса!

ИМОДЖЕНА. Я неверна? Когда Иахимо мужа
Звал ветренным,— казалось, клеветал он,
А он был прав. Муж, может быть,
пленил

Раскрашенною римскою сорокой;
Я ж, бедная жена, кажусь ему
Нарядом старым, но таким богатым,
Что бросить жаль. Сначала на куски
Изрезать надо. О, мужские клятвы,
Предатели! Твердит измена мужа:
Все лицемерно, что на вид — добро.
Добра в душе нет, ах, добро—приманка
Для женщины!

ПЭЗАНЬО. Послушайте меня...

ИМОДЖЕНА. Энея ложь * заставила считать
Лжецами—искренних, а плач Синона*
Убил доверье к праведным слезам.

Никто не сострадал печали! Постум
Своим поступком честность запятнал,
А честь и благородство он ославил
Изменою и ложью. Друг! Будь честен
Хоть ты: приказ исполни господина!
Свидетельствуй: ему послушна я.
Я вынула твой меч, бери его,
Пронзи им сердце мне, приют невинный
Любви! Будь тверд! В нем пусто, в
нем лишь — горе;
Твой господин, там бывший всем
богатством,—
Отсутствует. Рази, свершай приказ!
Мне кажется, что, храбростью
блиставший,
Здесь трусишь ты?

ПЭЗАНЬО.

Прочь, меч презренный! Руку
Тобой не оскверню!

ИМОДЖЕНА.

Что сделал ты?!
Убить ты должен, иначе преступишь
Ты волю Постума. Самоубийство —
Пред небом грех! Рука моя дрожит!
Вот сердце! Ах! Но чем-то грудь
прикрыта;
Прочь все, что есть! Не надо сердцу
лат!

(Вынимает письма.)

О, грудь, ты для меча ножны! Что это?

Писанье мужа верного! Прочь, прочь!
Вы стали ересью, сгубили веру
Мою. Для сердца больше вы не щит!
Жрец лживый паству глупую обманя
Совсем легко. Страдает от обмана
Обманутый, но тот, кто обманул,—
Тот горших мук не сможет избежать.
О, Постум, ты, заставивший меня
Ослушаться отца и отказать
В моей руке искателям державным,—
Увидишь ты: моя любовь была
Не частою, а редкостною в жизни.
Мне думать горько, как ты скорбно
вспомнишь

Меня, когда забудешь страсть свою
К той, кем ты ныне, Постум, увлечен.
Скорей, Пэзаньо! Мясника ягненок
Торопит сам: «О, где твой нож?» Не
медли

Ты выполнить приказ, который так же
И мне желанен!

ПЭЗАНЬО.

Верьте! Не заснул

Я ни на миг с тех пор, как получил я
Приказ.

ИМОДЖЕНА.

Так выполни и спать ступай!

ПЭЗАНЬО.

Скорей ослепну я, не спав!

ИМОДЖЕНА.

Зачем же

Ты начинал? Зачем ты столько миль

Меня обманывал? Скажи, зачем мы
здесь?

Зачем ты утруждал меня, себя,
Коней? Зачем заставил дом покинуть,
Коль мне в него обратный путь закрыт?
Зачем, зайдя далёко, тетиву
Ослабил ты, когда перед тобою
Желанный зверь?!

ПЭЗАНЬО. Выигрывая время,

От порученья я хотел уйти.
Послушайте, что я сумел придумать,
Принцесса!

ИМОДЖЕНА. Что ж! Труди язык болтливый!

Я непотребной названа была!
Так клевета душе наносит раны,
Что их не залечить ничем.

ПЭЗАНЬО. Я думал,

Вы не вернетесь во дворец.

ИМОДЖЕНА. Конечно,

Коль ты меня убьешь.

ПЭЗАНЬО. Нет, никогда!

Коль я хитер, как честен, то мой план
Окончится добром. О, да! Обманут
Мой господин! Не может быть иначе!
Злодей, искусный в лжи, обоим вам
Сумел нанести жестокою обиду!

ИМОДЖЕНА. Иль я распутница?!

ПЭЗАНЬО.

Клянусь: о, нет!

Я донесу, что вы убиты мною,
И смерти вашей знак пошлю кровав
Исчезновенье ваше из дворца
Весть подтвердит.

ИМОДЖЕНА.

А что я буду делать?

Где стану жить? И как? Какая радость
Меня ждет в жизни, если я для мужа
Мертва?

ПЭЗАНЬО.

Тогда вернитесь ко двору!

ИМОДЖЕНА. Как? Вновь к отцу? Чтоб снова

подвергаться

Назойливой любви? Страшной осады —
Любовь ничтожного и грубияна,
Несносный Клотан!

ПЭЗАНЬО.

Коль не при дворе —

В Британьи места нет вам!

ИМОДЖЕНА.

Где ж мне жить?

Иль солнце, день и ночь бывают только
В Британьи? Мира часть она, но с
ним —

Не целое одно! В пруду огромном —
Гнездо лебяжье. И в других краях
Мы можем жить.

ПЭЗАНЬО.

Я рад, что мысль стремится

У вас к иным краям. Посол из Рима
В Мильфорде будет завтра. Коль послу
Вы не раскроете свой тайный план,

Коль скрыть удастся то, что знать
нельзя

Ему, то вы, с послем пустившись в
путь

Таинственный, но к цели приведущий,—

Приблизитесь к супругу своему,

Хотя не так, чтоб наблюдать за ним.

Вас ежедневно сможет извещать

Молва людская об его деяньях!

ИМОДЖЕНА. Но как мне поступить? Скажи скорей!

Пусть скромности моей грозит

опасность,

Но не бесчестье!..

ПЭЗАНЬО.

Что же! Хорошо!

Забудьте, что вы — женщина, привычку

Повелевать — смените послушаньем,

А робость нежную, служанку

женщин,—

Бесстрашным мужеством! Пусть бойким

станет

Язык, в ответах — быстр, сварлив и

дерзок

И элей хорька! Как ни прискорбно вам

(Нет средств иных!), со щек — долой

румянец!

Пусть солнца луч целует жадно их!..

Долой наряд изящный, хитроумный,

В котором вы прекрасны были так,

Что, видя вас, великая Юнона *
Завидовала вам!

ИМОДЖЕНА.

Кончай скорей!

Цель слов поняв, уже себя мужчиной
Я чувствую.

ПЭЗАНЬО.

Вам надо стать мужчиной!..

Предвидя, я сюда, в мешке дорожном,
Все нужное привез: камзол, штаны
И шляпу. Их надев, скорей примите
Вы облик юноши. Вам, молодой,
Нетрудно это. К Люцию явившись,
Проситесь стать слугой, пропойте песню!
Прослушав вас, коль музыку он любит,
Охотно выполнит он просьбу вашу
И примет вас... Достойный человек,
Он добродетелен! Чтоб жить в
чужбине,—

Я средства дам, чтоб вам не знать
нужды

Теперь и впредь!

ИМОДЖЕНА.

Единый утешитель,

Оставленный богами мне! — Идем!
Да! Все решим и все устроим быстро
Мы в добрый час.— Решась на этот
подвиг

(С ним свыклась мысль),— я с
царственной отвагой

Его осуществляю! Прошу: идем!

ПЭЗАНЬО. Итти готов! Быстрей проститься надо:
Коль при дворе отсутствие мое
Заметят, то сочтут, что я пособник
Побега вашего. Возьмите склянку
(Дар королевы): в ней — состав
ценнейший.

Коль станет плохо на земле иль в море,
Один глоток — и вмиг пройдет болезнь.
В тени дубов наряд мужской наденьте.
Пусть боги вас хранят.

ИМОДЖЕНА. Благодарю.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната во дворце Цимбелина. Входят Цимбелин, королева, Клотэн, Люций и придворные.

ЦИМБЕЛИН. Прощай! Счастливым путь.

ЛЮЦИЙ. Благодарю,

Король. Велит скорей вернуться

Цезарь*.

Мне горько передать ему, что вы —

Враг Цезарю.

ЦИМБЕЛИН. Но быть под римским игом

Не хочет наш народ, а королю

Отстать в желанье властном от

народа —

Постыдно!

- ЛЮЦИЙ. Вас прошу мне дать конвой
 Чтоб проводил меня он до Миальфорда
 Желаю счастья вам и королеве!
- ЦИМБЕЛИН. Вы будете сопутствовать послу,
 Ему почет вы должный окажите.
 Прощай же, храбрый Люций!
- ЛЮЦИЙ. Руку, принц!
- КЛОТЭН. Как друг, ее даю, но скоро станет
 Она — рукой врага.
- ЛЮЦИЙ. Укажет время
 Нам скоро победителя! — Прощайте!
- ЦИМБЕЛИН. Посла до переправы чрез Северн*
 Вы проводить должны. Счастливей
 путь!

Люций и часть придворных удаляются.

- КОРОЛЕВА. Чело нахмурив, он ушел! Нам слава,
 Что хмур он из-за нас.
- КЛОТЭН. Все к лучшему!..
- ЦИМБЕЛИН. Войны желали храбрые британцы.
 О происшедшем Августу посол
 Уж написал. Готовить колесницы
 И всадников должны мы поскорей:
 Войска, что в Галлии, Рим переправит
 К нам быстро, приведя их в боевой
 Порядок.
- КОРОЛЕВА. Нам теперь дремать не время,
 Решительность и быстрота нужны.

ЦИМБЕЛИН. Разрыва ждав, готовились к войне мы.
Но, королева, где же наша дочь?
Не вышла к римлянам она навстречу,
Свой утренний нам долг она, наверно,
Забыла. Видим в ней мы злую волю,
А не покорность. Эй, скорей позвать
Ее сюда! Прощали мы ее
Чрезмерно долго.

Один из придворных уходит.

КОРОЛЕВА.

Повелитель наш!

С тех пор, как изгнан муж,—

уединенья

Дочь ваша ищет. Время лишь излечит
Ее... Вы к ней — молю — не обращайтесь
С жестокой речью: ей упрек, что нож.
Наносит рану, раны же — готовят
Ей смерть!

Придворный возвращается.

ЦИМБЕЛИН.

Ну! Где она? Чем непокорность

Оправдывает?

ПРИДВОРНЫЙ.

Дверь к ней заперта,

Ваше величество! Мы в дверь стучали,
Ответить нам никто не пожелал.

КОРОЛЕВА.

При встрече с ней последней умоляла

Она затворничество ей простить;

Ее болезнь препятствует ей утром

Долг выполнять, приветствуя отца.
Она просила вам сказать об этом;
В заботах каждодневных я забыла
Сказать вам...

ЦИМБЕЛИН

Что? Дверь заперта? Давно я
Не вижу дочь! Пусть то, чего боюсь
Я, будет ложным! *(Уходит.)*

КОРОЛЕВА.

Сын! Ступай за ним.
Уже два дня не видно и Пэзаньо,
Ее слуги. Ступай, найди его!

Клотэн уходит.

Слуга, заступник Постума! Страшишься ты!
Мой яд с тобой. О, будь мой яд
причиной

Отсутствия слуги! Он верил: яд
Целит болезнь. Но где же Имоджена?
Где скрылась? Или скорбь и пыл
любви

Ей дали крылья, и она умчалась
К любимому? Но смерть или позор
Ее помогут цели мне достигнуть.
Коль умерла она, нам нет урона:
В Британьи сыщется наследник трона.

Входит Клотэн.

Ну, что, мой сын?

КЛОТЭН.

Она бежала, ясно!

Ты к королю иди: он так взбешен,
Что все дрожат.

КОРОЛЕВА.

О, если бы он силы
Увидеть день грядущий был лишен!..

(Уходит.)

КЛОТЭН.

Люблю и ненавижу в ней красу
И облик царственный! Щедрей природа
К ней, чем к другим. Соединив в себе
Все лучшее, ты превзошла придворных
Прекрасных дам! За это я тебя
Люблю! Меня презрев, предпочитая
Супруга жалкого, являешь ум
Ты слабый свой; он омрачает прелесть.
И я тебя за это ненавижу!
Я отомщу! Иначе дураками...

Входит Пэзаньо.

Кто это? Ты, бездельник и мошенник?
Мерзавец, сводник! Отвечай скорей:
Где госпожа? Иль я тебя отправлю
Прямой дорогой в ад!

ПЭЗАНЬО.

Добрейший принц!..

КЛОТЭН.

Где госпожа? Вопрос не повторю я,
Мерзавец скрытный! У тебя из сердца
Я вырву тайну, или вырву сердце
Я вместе с тайной! С Постумом она,
С навозной кучей, где найти нельзя
Зерна жемчужного?

ПЭЗАНЬО.

Не с ним она!
Ведь во дворце была она недавно,
А Постум в Риме...

КЛОТЭН.

Где ж она? Стань ближе
И без уверток отвечай скорей:
Где Имоджена?

ПЭЗАНЬО.

Почтенный принц!

КЛОТЭН..

Почтенный негодяй!
Скорей! Где госпожа? Ответ дай сразу
И без «почтенных» разных! Говори!
Ответь, иль за молчание наградой
Будь смертный приговор!

ПЭЗАНЬО.

Письмо расскажет
Вам все, что знаю про ее побег
Я сам. *(Подает письмо.)*

КЛОТЭН.

Прочтем! До цезарского трона
За ней дойду!

ПЭЗАНЬО

(про себя). Удача или смерть?
Она вдали; не страшно ей, коль

принц,

Прочтя письмо, вослед помчится...

КЛОТЭН.

Ах!

ПЭЗАНЬО

(про себя). Весть Постуму пошлю про
смерть ее!

Пусть Имоджене боги подарят
Счастливым путь до Рима и назад!

КЛОТЭН.

А это письмо не лжет?

ПЭЗАНЬО.

Я не думаю, чтоб оно лгало!

КЛОТЭН Да! Это рука Постума! Я ее знаю. Эй, негодяй! Если ты перестанешь бездельничать и станешь моим слугой, будешь служить мне добросовестно и честно, выполняя все мои приказы, как бы они ни были бесчестны, то я, во-первых, стану считать тебя честным, а во-вторых, ты не будешь знать нужды. Я готов перед королем возвысить голос, чтоб возвысить тебя.

ПЭЗАНЬО. Я согласен, добрый принц!

КЛОТЭН. Согласен? Ты так долго и терпеливо был предан этому нищему Постуму, что просто из чувства благодарности ты не предашь меня и будешь преданным мне. Итак, ты согласен стать моим слугой?

ПЭЗАНЬО. Согласен, принц!

КЛОТЭН. Протяни руку, и вот тебе мой кошелек!.. У тебя сохранилось какое-нибудь платье твоего бывшего господина?

ПЭЗАНЬО. Да, принц! То платье, в котором он прощался с моей госпожой.

КЛОТЭН. Принеси мне это платье! Это будет твоей первой услугой. Ступай!

ПЭЗАНЬО. Иду, принц! (Уходит.)

КЛОТЭН. Я помчусь в Мильфорд и догоню Имоджену... Да, я забыл спросить у него... но как только он вернется, я спрошу! Да! Негодный Постум! Я отправлюсь в Мильфорд и там убью тебя! — Что это он так долго не несет платья?.. Имоджена как-то сказала мне, — о, мне до сих пор горько от этих слов! —

что ей дороже белье, тряпка, которая касалась тела Постума, чем моя светлейшая особа со всеми моими светлейшими достоинствами, так щедро украшающими меня. Так вот в этом платье, в этом тряпье Постума я насильно овладею Имодженой! Раньше всего я убью его на глазах у нее. Пусть он, сраженный, валяется во прахе предо мной, а я буду изливать на его прах все мое оскорбленное негодование! А потом я утолю голод моих страстей, и, для того, чтоб еще больше оскорбить красавицу, я наброшусь на нее именно в том наряде, который она ценила так высоко. А потом я погоню ее домой ударом, кулаком, пинком! Тебе нравилось презирать меня, а мне будет сладко отомстить тебе!

Входит Пэзаньо с платьем в руках.

Это то самое платье?

ПЭЗАНЬО. Оно самое, принц!

КЛОТЭН. Давно ли принцесса отправилась в Мильфорд?

ПЭЗАНЬО. Совсем недавно, принц; она, вероятно, еще не успела добраться до Мильфорда.

КЛОТЭН. Отнеси это платье ко мне в спальню. Это мой второй приказ тебе. А третий таков: будь нем, как турецкий слуга, которому отрезали язык, и никому не говори о моих планах. Только исполняй мои приказы — и ты пойдешь в гору! О, месть! Ты ждешь меня в Мильфорде! Ах, зачем у меня нет пары крыл? Я бы

мгновенно покрыв это пространство!— Будь верен мне!
Идем! (Уходит.)

ПЭЗАНЬО. Чтоб верным быть ему,
Неверным должен стать милорду моему.
Нет, я не изменю! Ступай в Мильфорд
скорей!
Ты не отыщешь там бежавшую. Над ней
Хранящий перст небес. О, глупый
принц! Пусть он
В пути преградами лишь будет
награжден!
(Уходит.)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Перед пещерой Бэлария. Входит Имоджена в мужском наряде.

ИМОДЖЕНА. Как видно, быть мужчиной не легко...
Я выбилась из сил. Две ночи ложем
Земля служила мне; не будь так тверд
Мой дух,— я захворала бы! Мильфорд,
мне
Показанный Пэзаньо с гор, казался
Совсем вблизи; но здания его
Как будто бы бегут от бедняка,
Что ищет крова!.. Объяснил мне нищий,
Что путь к Мильфорду прям. Ужель
солжет
Бедняк, изведавший невзгоды, зная,

Слуга, как уговор был. Тяжкий труд
Хиреет, пред собой не видя цели!
Мы голодны, и будет сладок нам
Простой обед. Усталым — жесткий
камень,
Как пух; лентяям — жесток даже пух.
Идемте! Мир тебе, приют наш скромный,
Хранящий сам себя!

ГВИДЕРИЙ. Как я устал!
АРВИРАГ. И я без сил, но голод мой силен!
ГВИДЕРИЙ. Кусок холодный подкрепит нам силы,
Пока поджарим дичь.

БЭЛАРИЙ (*заглянув в пещеру*). Стой! Не входил!
Каким-то волшебством припасы наши
Исчезли.

ГВИДЕРИЙ. Ну? В чем дело там, отец?!

Имоджена выходит из пещеры.

БЭЛАРИЙ. Клянусь Юпитером! Он — ангел или
Прекраснейший из смертных! Божество,
Но в виде юноши!

ИМОДЖЕНА. О, сжальтесь, люди!
Я, прежде чем войти, позвал, надеясь
Купить или попросить то, что я взял.
Нет, я не вор! Я золота бы не взял,
Будь пол усыпан им. Вот деньги
За то, что съел у вас. Поевши, сам бы

Я их оставил, уходя с молитвой
За вас.

ГВИДЕРИЙ. К чему нам деньги, милый мальчик?!
АРВИРАГ. В грязь обратись ты, серебро и золото!
Их ценят только те, кто божеством
Считает грязь.

ИМОДЖЕНА. Коль за вину меня
Убьете вы, то и невинный смерти
Я б избежать не смог!

БЭЛАРИЙ. Куда идешь ты?

ИМОДЖЕНА. В Мильфорд!

БЭЛАРИЙ. А как тебя зовут?

ИМОДЖЕНА. Фидельо! Дядя путь свой держит в Рим,
В Мильфорде на корабль он сядет; к
даде

Я шел; от голода я изнемог
И пищу взял.

БЭЛАРИЙ. Не дикари мы, мальчик,
Хоть кров наш нищ! Войди к нам.

Ночь настала.

Пред тем, как в путь пойдешь, тебя
хотим мы,

Чем только сможем, мальчик, угостить.
Останься здесь! Отведай ужин! Дети!
Просите же!

ГВИДЕРИЙ. Будь девушкою ты,
Ухаживал бы нежно за тобою
Я, как жених!

АРВИРАГ.

Я рад, что ты — не дева!
Любимым братом стань! Тебе, как
брату,
После разлуки, свой привет я шлю.
Войди под кров к нам, будь душою
весел,

Ты — меж друзей.

ИМОДЖЕНА.

Друзей? Зачем не братьев?

(Про себя.)

Будь это дети моего отца,
Я б не была наследницей престола
И, цену потеряв, с тобой сравнилась,
О, Постум мой!

БЭЛАРИЙ.

Он чем-то огорчен!

ГВИДЕРИЙ.

Хотел бы я помочь!

АРВИРАГ.

И я!.. И скорбь

Любой ценой прогнать!

БЭЛАРИЙ.

Внемлите, дети...

Шепчутся.

ИМОДЖЕНА *(про себя)*. Владыки мира,

Те, чей дворец сравнивается с пещерой,
Где нет рабов и слуг, где добродетель
Не похвалой изменчивой толпы,
А совестью подтверждена,— едва ли
Двух этих превзойдут. Когда ты,
Постум,

Мне изменил,— я стать хочу мужчиной,
Чтоб быть их другом.

БЭЛАРИЙ.

Решено! Идем
Готовить ужин! (*Имоджене.*) Юноша!
Беседа

Не вяжется, когда желудок пуст.
Поев, расскажешь нам все, что захочешь
Сам рассказать!

ГВИДЕРИЙ.
АРВИРАГ.

Прошу, идем!
Ты слаще,
Чем жаворонку день, чем совам —
полночь!

ИМОДЖЕНА. Благодарю, друзья!

АРВИРАГ.

Идем же к нам!

Уходят в пещеру.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Рим. Площадь. Входят два сенатора и трибуны.

ПЕРВЫЙ.

Вот Цезаря указ: плебс усмиряет
Паннонцев и далматов, а число
Войск, в Галлии стоящих, так ничтожно,
Чтоб покорить британцев непокорных.
А потому он, Цезарь, призывает
Патрициев участие принять
В походе; будет достославный Люций—
Проконсулом. Трибунам он велит

Поспешнее набор закончить войска!
Да здравствует наш Цезарь!

ТРИБУН.

Будет Люций

Главнокомандовать у нас?

ВТОРОЙ СЕНАТОР.

Да, Люций!

ТРИБУН.

Он в Галлии?

ПЕРВЫЙ.

Да! Он при легионах,

Которые набором вы должны
Пополнить! Точно указывает Цезарь
Нам: сколько взять должны мы

и новобранцев

И срок отправки.

ТРИБУН.

Выполним свой долг!

Уходят.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Британия. Лес около пещеры Бэлария. Входит Клотэн.

КЛОТЭН. Если Пэзаньо верно описал мне место, где назначена их встреча, то я сейчас нахожусь около этого места. Как мне к лицу платье Постума! В нем я должен был бы понравиться и возлюбленной Постума. Она создана из того же теста. Я не хочу гневить женщин, но их увлечения—это только причудливый каприз. О, я постою за себя! Так как нет ничего дурного в том, что человек любит себя, наедине с зеркалом, и беседует сам с собой, то я могу признаться, что я сложен не хуже, чем Постум; я моложе его, но сильнее! Я богаче его и гораздо знатнее. В государственных делах я—человек одаренный, а в поединках—нет равного мне! И все же эта упрямица, не обращая внимания на мои достоинства, любит не меня, а его. Вот она, челове-

ческая жизнь! Твоя голова, Постум, еще красуется на твоих плечах, но через час она будет отделена от туловища. Я насильно овладею твоей красавицей, изорву в клочья твой наряд и пинками верну Имоджену домой. Пусть старик Цимбелин разгневается и обвинит меня в грубости, но моя мать, которая умеет управлять прихотями короля, все обратит в мою пользу... Мой конь привязан в надежном месте. Эй, меч, вылезай из ножен и будь прозен в работе! Судьба, приведи их в мои руки! Если верить речи Пэзаньо,— их встреча будет здесь. Этот бездельник не посмел бы обмануть меня! (Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Перед пещерой. Из пещеры выходят Бэларий, Гвидерий, Арвираг и Имоджена.

БЭЛАРИЙ (Имоджене). Ты нездоров. Останься здесь.
С охоты

Вернемся скоро мы!

АРВИРАГ (Имоджене). Останься, брат!

Ведь братья мы!

ИМОДЖЕНА. Быть братьями все люди
Должны. Но глина с глиною не схожа,
Хоть прах их сходен. Очень болен я!

ГВИДЕРИЙ. Охотьтесь вы, а я останусь с ним!

ИМОДЖЕНА. Я болен, но не так, чтобы со мною

Сидеть. Я не из тех, кто, захворав,
Уж видит смерть. Ступайте, чтоб
Обычный труд! Привычку раз
Нарушить жизни! Нет, обществом
Боль не излечите. Не так я болен,
Коль о болезни говорить могу...
Я буду дом стеречь. Коль украду я,
Так лишь себя. Но если я умру —
Беда невелика.

ГВИДЕРИЙ.

Вновь повторяю:

Так искренно и сильно, как отца,
Тебя я любил!

БЭЛАРИЙ.
АРВИРАГ.

Как? Что такое?

Коль грех так говорить, — виною брата
И я грешу. Ты люб мне, но за что?!
Ты сам сказал: «Любовь —

необъяснима!»

И коль спросили бы: «Кому лечь в
гроб?»,

Я б отвечал: «Отец пусть лучше ляжет,
Чем юноша!»

БЭЛАРИЙ (*про себя*). Пленительный порыв!

В нем — венценосца кровь! Природы
добрость!

Рождает труса — трус, злодей — злодея.

В природе есть и зерна и труха.
Не ведают, что я им не отец,
Но странно, мальчик им меня дороже!—
Девятый час утра!

АРВИРАГ. О, брат! Прощай!

ИМОДЖЕНА. С успехом в путь!

АРВИРАГ. Здоров будь! Я готов!

ИМОДЖЕНА (про себя). О доброта! Мне часто
люди лгали,
Что вне дворцов — лишь мерзость
дикарей.

Ты, опыт, ложь придворных
разрушаешь!

Моря родят чудовищ; скромный данник
Морей — река дает нам вкусных рыб...
Душа болит... Пэзаньо! Выпить надо
Твое лекарство мне!..

ГВИДЕРИЙ. Я лишь узнал,

Что знатен он и что несправедливо
Несчастен он, страдая без вины.

АРВИРАГ. Добавил мне он, что потом узнаю
Я более.

БЭЛАРИЙ. Пора идти нам, дети!
(Имоджене.)

АРВИРАГ. А ты вернись в пещеру отдохнуть.
Вернемся скоро.

Не хворай. Хозяйку
Нам замени.

БЭЛАРИЙ.

Каких бродяг?

Речь не об нас ли?.. Мне знаком то
облик.

Принц Клотэн он! Боюсь ловушки я
Да, он! Хоть не видал давно, узнал я
Мы вне закона! Надо нам уйти!

ГВИДЕРИЙ.

Он здесь один! Взгляните-ка! Вблизи
Не прячутся ли спутники? Оставьте
Меня вы с ним!

Бэлари и Арвираг уходят.

КЛОТЭН.

Кто вы? Куда бежите,
Вы, горцы гнусные?! Слышал о них я!
Эй, подлый раб! Кто ты?

ГВИДЕРИЙ.

Я — человек,
Готовый оскорбителю ответить
Ударом.

КЛОТЭН.

Ты — разбойник и злодей,
Закон нарушивший! Эй, вор! Сдавайся
Кому? Уж не тебе ль? Да кто ты сам!
Моя рука сильнее твоей, а сердце
Не пламенней ли?! Речь твоя наглее
Но свой кинжал ношу я не во рту!
Кто ты такой?

КЛОТЭН.

Презренный! Иль по платью
Не узнаешь меня?

ГВИДЕРИЙ.

Не узнаю!
Единственное ценное в тебе —
Наряд богатый твой!

КЛОТЭН. Не мой портной
 Шил это платье.

ГВИДЕРИЙ. Прочь! Скажи спасибо
 Тому, кто платье дал тебе. Дурак!
 Тебя противно бить!

КЛОТЭН. Узнав, кто я,
 Дрожи, воришка!

ГВИДЕРИЙ. Кто ты? Говори!

КЛОТЭН. Мерзавец! Клотэн я!

ГВИДЕРИЙ. Хотя б ты, Клотэн,
 Двойным мерзавцем был,— не дрогну я!
 Зовись ты жабой, пауком, змеею,—
 Сильней бы испугался я!

КЛОТЭН. Дрожи!
 Чтоб довершить искуг твой, я добавлю:
 Сын королевы я!

ГВИДЕРИЙ. Жаль! В знатном роде
 Ты — выродок!

КЛОТЭН. Не испугался ты?

ГВИДЕРИЙ. Ума почтительно боюсь, глупцы мне
 Не страшны, а смешны!

КЛОТЭН. Тогда — умри!
 Сперва убью тебя, потом — удравших!
 Поймаю их и на воротах Люда
 Их головы развешу! Сдайся мне,
 Проклятый горец!

Уходят, сражаясь. Входят Бэларий и Арвираг.

БЭЛАРИЙ.
АРВИРАГ.
БЭЛАРИЙ.

Спутников не видно!
Их нет! Ты принял за него другого!
Хоть я его не видел уж давно,
Но он совсем не изменился: облик,
Как в старину, отрывистая речь
И резкий голос... Я уверен — это
Принц Клотэн.

АРВИРАГ.

Здесь оставили мы их.
Дай бог, чтоб с братом он не начал
ссоры!

Он дерзок?

БЭЛАРИЙ.

Ах, еще до зрелых лет
Он необуздан был. Изъян рассудка
Уничтожает в человеке страх...
Смотри! Твой брат.

Входит Гвидерий, в руках у него голова Клотэна.

ГВИДЕРИЙ.

Дурак был этот Клотэн!
Кошель без гроша! Даже Геркулес
В его башке не смог найти бы мозга
Но если б я не сделал то, что сделал,
Дурак носил бы голову мою,
Как я теперь — его.

БЭЛАРИЙ.

ГВИДЕРИЙ.

Что сделал ты?!
Я знал, что делаю. Убит мной Клотэн,
Сын королевы, тот, кто обозвал
Меня разбойником, рабом и горцем,
Он клялся головы нам отрубить,

Ворота города украсить ими!
Но головы при нас!

БЭЛАРИЙ.
ГВИДЕРИЙ.

Нас гибель ждет.
Отец, что из того?! Что, кроме жизни,
Теряем мы,— а он и так грозил
Жизнь отобрать. Закон нам не защита!
Так не должны мы в страхе позволять
Говядине грозить и быть судьей нам
И палачом! Вблизи нет приближенных
Его?

БЭЛАРИЙ.

На сколько видит взор — их нет.
Но ум твердит, что прибыл он со
свитой.

Он бестолков, глупел он с каждым днем,
Но и глупца не завлекла бы злоба
Сюда без свиты... Может, при дворе
Проведали, что мы живем, охотясь,
В пещере? За опальных нас сочли,
Предположив, что можем мы себе
Здесь подобрать товарищей опасных...
Строптивый, как всегда, поклялся

Клотэн

Нас изловить, но нет! Невероятно,
Чтоб он пошел один! Он — не храбрец!..
Его бы не пустили одного!..
Разумный страх меня одолевает:
У чудища есть хвост, и он опасней,
Чем голова!

АРВИРАГ. Богов свершилась воля!
И что бы ни было, но поступил
Прекрасно брат.

БЭЛАРИЙ. Охотиться сегодня
Я не хотел. Тревожила болезнь
Фидельо.

ГВИДЕРИЙ. Тем мечом, которым мне он
Грозил, я принцу голову отсек,
Ее швырну я в море: пусть расскажет
Акулам, по волнам носясь, что принцу
Она принадлежала. Дела нет мне
До прочего!.. (Уходит.)

БЭЛАРИЙ. Боюсь за смерть я мести.
О, если б не тобою, Полидор,
Он был убит!

АРВИРАГ. Жаль, что убит не мною,—
Я б отвечал один! Любимый брат,
Завидую я твоему поступку!
Пусть месть, которой в мире нет
грознее,

БЭЛАРИЙ. К ответу требует обоих нас.
Прошедшего не возвратить! Сегодня
Охотиться, опасностей напрасных
Искать мы не пойдем. Ступай в пещеру
Хозяиничать с Фидельо! Буду здесь
Ждать Полидора я; вдвоем к обеду
Мы с ним придем.

АРВИРАГ. Охотно, мой Фидельо,

Иду к тебе! Чтобы вернуть румянец!
Тебе здоровья, я б убил сто принцев
И хвастал человечностью.

(Уходит.)

БЭЛАРИЙ.

Природа!

Великая богиня! Украшают
Два отрока державные тебя.
Они нежней зефира, что порхает
Над розами, их не колебля; стоит
Вскипеть их крови — и они, как вихрь
Суровый, гнуший до земли вершину
Сосны нагорной; в них инстинкт растит
Без наущенья царственные чувства!
Без наставлений, даже без примеров
В них крепнут честь и долг! В них
храбрость

Растет сама, и плод дают они
Обильнее посеянных семян!..
Зачем здесь Клотэн был? И что нам
гибель

Его сулит?

Гвидерий возвращается.

ГВИДЕРИЙ.

Где брат? Послал гонцом
Я к королеве глупую башку,
А труп залогом будет возвращенья
Гонца.

Торжественная музыка.

БЭЛАРИЙ. Внемли! Заветный инструмент!
Ты слышишь, Полидор? Что это значит?
Зачем же этих струн коснулся Кавдал?
ГВИДЕРИЙ. В пещере он?
БЭЛАРИЙ. Сейчас туда вошел.
ГВИДЕРИЙ. Со смерти матери молчала лютя...
Торжественные звуки — спутник только
Торжественных событий, — но каких?!
Пустой восторг, пустая скорбь — забава
Для обезьян и детворы. С ума
Брат не сошел?

Арвираг несет на руках кажущуюся мертвой Имоджену.

БЭЛАРИЙ. Идет и на руках
Несет он объяснение того,
За что его браним.
АРВИРАГ. Наш соловей,
Кем мы гордились, умер! Шестьдесят
Пусть будет лет, а не шестнадцать! Ногу
Пускай костыль заменит, — лишь не
видеть

Того, что вижу!
ГВИДЕРИЙ. О, весенний ландыш!
Ты вдвое лучше был, цветя, чем ныне
В руках у брата!

БЭЛАРИЙ. Горя глубину
Кто б смерить мог, чтобы поведать
миру,

Где тяжелей твоей ладье пристать?!
Прекрасное создание! Знал Юпитер,
Кем ты мог стать!.. Как горько, что ст
скорби

Ты умер юношей.— Скажи, как ты
Его нашел?

АРВИРАГ.

Лежал он бездыханно,
С улыбкой на устах, как будто их
Не смерть стрелой сомкнула, а касалась
Их бабочка.

ГВИДЕРИЙ.

Где?

АРВИРАГ.

На полу! Я думал:
Он спит. Чтоб не будить, я скинул
обувь,

Подбитую гвоздями, чтобы шаг
Мой не стучал.

ГВИДЕРИЙ.

Заснул он, но навеки!
Могила — ложем стань!.. Слетятся феи
К могиле той, и не посмеет червь
В нее вползти!

АРВИРАГ.

Все лето, мой Фидельо,
Пока я жив, я буду украшать
Могилу одинокую; увидишь
Подснежник бледный, как твое лицо,
И колокольчик, жил твоих лазурней,
Шиповник красный — пахнет он не
лучше

Дыханья твоего. Ах, говорю

Я без прикрас! И реполов цветы
К могиле принесет *, стыдя богатых,
Что мрамора не ставят над родными.
Умчатся лето и цветы,— от стужи
Мох защитит тебя.

ГВИДЕРИЙ.

Умолкни, брат!

Брось плакаться, как дева, перед горем!
Час похорон настал; бесплодным воплем
Не должно нам откладывать, что долг
Велит свершить.

АРВИРАГ.

А где его зароем?

ГВИДЕРИЙ.

Близ нашей матери.

АРВИРАГ.

Послушай, брат!

Хоть голос наш грубее стал с годами,
Над мальчиком мы ту же песнь споем,
С которой мать в могилу провожали,
Лишь «Эврафилу» сменим на
«Фиделью».

ГВИДЕРИЙ.

Нет, Кавдал! Петь
Я не могу! Я плачу! В скорбном пенье
Страшнее фальшь, чем в храме слово
лжи!

АРВИРАГ.

Тогда не пой слова, а говори их!

БЭЛАРИЙ.

Скорбь бо́льшая, ты — врач для
меньшей скорби!

Сын королевы, Клотэн позабыт;
Он был наш враг, и за вражду наказан
Жестоко он. Вельможа и плебей

Становятся одним и тем же прахом,
Когда умрут; дух суеты мирской
Велит нам в разных их местах зарыть.
Наш враг был принц, и ты, его
убивший,

Как принца, хорони!

ГВИДЕРИЙ.

Неси его!

Терсита труп Аякса трупу равен *
По смерти.

АРВИРАГ.

Ты пойдешь, отец, за ним,
А мы споем хорал. Брат! Запевай!

Бэларий уходит.

ГВИДЕРИЙ.

Отец всегда велит класть головой
Умершего к востоку!

АРВИРАГ.

Это правда!

ГВИДЕРИЙ.

Так помоги!

АРВИРАГ.

Вот так!.. Теперь начнем!

ПЕСНЯ

ГВИДЕРИЙ.

Теперь тебе не страшен зной,
Не страшны вьюги снеговые!
Ты в вечный возвращен покой,
Расчеты кончены земные!
Красотка, парень и монах,—
Все после смерти только — прах!

АРВИРАГ.

Не страшен гнев и гнет вельмож,

Обед не нужен и одежда!
Умолкли страх, тревога, ложь,
Нет жажды славы, нет надежды,
Нет мудрости, желанья благ:
Мы все по смерти только — прах!
ГВИДЕРИЙ. Не страшен громовой раскат.
АРВИРАГ. Блеск молний испугать не может.
ГВИДЕРИЙ. И клеветы не страшен яд.
АРВИРАГ. Ни скорбь, ни радость не тревожат!
Все, кто несли любовь в сердцах,
Все после смерти только — прах!
ГВИДЕРИЙ. Тебя проклясть никто не смей!
АРВИРАГ. Тревожить, колдовство, не смей!
ГВИДЕРИЙ. Дух злобный, прочь беги скорей!
АРВИРАГ. К могиле подойти не смей!
ОБА. Чтоб жизнь людей душа забыла,—
Спи мирно ты на дне могилы!

Бэларий возвращается с трупом Клотэна.

ГВИДЕРИЙ. Гимн кончен! Мертвых мы положим
рядом!

Кладут труп рядом с Имодженой.

БЭЛАРИЙ. Вот им цветы! Я больше в ночь сберу,
Цветы с ночной прохладною росой
Приличествуют больше для могил.
Вы оба тоже были, как цветы.
Увяли вы,— цветы увянут тоже!

Поодаль встав, преклоним мы колени.
Землей рожденные,—вернулись к ней.
Нет радостей для них и нет скорбей!

*Бэларий, Гвидерий и Арвираг уходят. Имоджена про-
буждается.*

ИМОДЖЕНА. Да, да!.. В Мильфорд!.. Где путь туда?

Вдоль рощи?

Благодарю... Далек ли путь в

Мильфорд?..

Еще шесть миль?.. Я шла всю ночь.

Прилягу...

Еще посплю...

(Увидев Клотэна.)

Нет, нет! Не надо мне
Товарищей на ложе!.. О, богиня!

Цветы, вы — счастье мира!.. Этот

труп —

Несчастье мира!.. Это сон, наверно?!

Я верю: это сон... Мне снилось: я

Пещеру стерегла... Мне лишь казалось!..

То лишь обман... Стрела из ничего —

В ничто обращена больным рассудком...

Как слеп наш взор, так часто слеп и

ум!

Дрожу... боюсь... О, боги! Сострадайте

Вы мне, коль жалость есть еще у вас

Хоть малая, как глаз ничтожной
пташки!..
Сон длится, хоть не сплю... Да, сон во
мне
И вне меня!.. Не грежу... Нет, не
сплю...
Безглавый труп!.. Ах, Постума наряд!..
Его нога... его рука... Ступня
Меркурия и стан достойный Марса!..
Геракла мышцы... Здесь вы... Где же ты,
Юпитера лицо? Иль убивают
И небожителей?! Пусть на Пэзаньо
Обрушатся проклятия Гекубы *
С моими заодно!.. Пособник принца
И дьявола!.. Тобой убит мой муж...
Предательство — и чтение, и письмо!..
Проклятый раб, письмо подложно было!
У лучшего на свете корабля
Сломал ты мачту... Где же голова
Твоя, мой Постум?!. Где она?..
Пэзаньо
Оставить мог ее, пронзивши сердце...
Но кто убил?.. Пэзаньо, ты?.. И
Клотэн?!
Корысть и злоба, вы всему виной!
Мне ясно все: не он ли дал лекарство,
Как бы целящее болезнь,— оно
Все чувства умертвило!.. Все понятно

Отныне мне... Убийство — дело рук
Пэзаньо с Клотэном!.. О, дай мне щеки
Твоею кровью расцветить, придав
Им страшный вид для тех, кто нас
увидеть
Здесь может!.. Постум!.. О, мой
властелин!..

(Падает без сознания.)

Входят Люций, несколько римских офицеров, военачальник, прорицатель.

НАЧАЛЬНИК. Из Галлии войска, как вы велели,
Чрез море переплыв, в Мильфорде вас
Ждут вместе с вашим флотом, и готовы
Они к боям.

ЛЮЦИЙ. Из Рима нет вестей?

НАЧАЛЬНИК. Сенат призвал патрициев и тех,
Кто близ границы жил. О, в их
отваге —
Для нас залог побед! Начальник
войска,
Отважный Иахимо, их ведет
Сюда.

ЛЮЦИЙ. Когда прибыть ждать их можно?

НАЧАЛЬНИК. С попутным ветром!

ЛЮЦИЙ. В этой быстроте —

Надежда наша. Смотр прибывшим
сделать

Приказ дай офицерам.— Что из снов
Ты о войне грядущей заключаешь?

ПРОРИЦАТЕЛЬ. Постился долго я, моля богов,
И прошлой ночью было мне виденье:
Орел Юпитера, наш южный берег
Оставив, к западу стремя полет,
Исчез в слепительном сиянии солнца!
Коль во грехе ум не погряз, то знак
Победы римской!

ЛЮЦИЙ. Чаше сны такие
Пусть снятся и сбываются! Постой!..
Безглавый труп? — Твердят куски
развалин
О славном зданьи!.. Возле трупа—паж...
Он умер или спит? Наверно, умер!
Природа отвращает нас от смерти,
И спать живой не любит с мертвецом.
Дай на лицо пажа взглянуть!

НАЧАЛЬНИК. Он жив!

ЛЮЦИЙ. Он скажет нам, кто здесь убит. Эй,
мальчик!

Нам злоключенья расскажи свои:
Кто здесь лежит и служит изголовьем
Кровавым для тебя? Кто исказил
Природы труд, столь некогда
прекрасный?

От Цезаря не так, как эта доблесть,
Возвысили б тебя. Идем со мной!

ИМОДЖЕНА. Извольте, но сначала господина,
По милости богов, во мрак могилы,
Что вырыть слабою рукой смогу,
Укрою я. Ее листвою засыплю,
Слезами орошу и облегчу
Тяжелым вздохом душу, а потом
Я перейду охотно к вам на службу,
Коль вам угодно.

ЛЮЦИЙ. Я согласен, мальчик.

Не господином буду, а отцом!
Мои друзья!
Он указал нам долг, достойный мужа.
Среди цветов мечами и копьем
Мы выроем могилу и потом
Зароем труп, и совершим обряд
Так пышно мы, как может лишь солдат!
Утешься же, о мальчик! Слезы прочь!
Скорбь может счастьем иногда помочь!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната во дворце Цимбелина. Входят Цимбелин, вельможи, придворные, Пэзаньо.

ЦИМБЕЛИН. Узнайте, как здоровье королевы.

Один из придворных уходит.

С тех пор, как сын пропал, ее
безумье —

Грозит ей смертью. Небо! Сколько ты
Наносишь мне ударов страшных сразу!

Дочь, лучшая из радостей,— бежала,

Супруга — при смерти, грозит война;

Я в Клотэне нуждаюсь, но исчез он,

И близок я к отчаянью теперь.

Ты, подлый, ведаешь, где дочь, скрывая,

Что знаешь ты! Но жесточайшей

пыткой

Мы вымучим признание у тебя!

ПЭЗАНЬО. Король! Волен ты над моею жизнью.

Покорствую, распоряжайся мною.

Где госпожа, куда ушла, зачем,—

Не знаю я. Поверь, что раб я верный!

ПРИДВОРНЫЙ. О, разреши, король, ты мне сказать:

В тот день, когда хватились мы

принцессы,

Ручаюсь я, что был Пэзаньо здесь.

Пэзаньо был всегда слугой честнейшим.

Принц Клотэн,
Клянусь я, будет найден! Ищут принца
Старательно.

ЦИМБЕЛИН (*Пэзаньо*). Среди забот великих
Не до тебя, но заподозрен ты
Глубоко мной.

ПРИДВОРНЫЙ. Из Рима легионы,
Что были в Галлии, и новые войска
Из набранных патрициев на берег
К нам высадились и готовы к бою.

ЦИМБЕЛИН. Необходим совет жены и принца.
Дела меня сведут с ума!

ПРИДВОРНЫЙ. Врагу
Твои войска, что в сборе, могут смело
Противостать! К врагу придет подмога,
К нам — тоже! Войско ждет нетерпеливо
Приказа выступить.

ЦИМБЕЛИН. В глаза судьбе,
Глядящей нам в лицо, посмотрим
храбро!
Что можем ждать от Рима — нам не
страшно,
Но здешнее тревожит нас. — Идем!

Все, кроме Пэзаньо, уходят.

ПЭЗАНЬО. Весть Постуму послал, что Имоджена
Мертва, а он молчит... Я изумлен!
Вестей нет от принцессы, а хотела

Писать мне чаще; и не знаю я,
Что с Клотэном?! Ужели могут боги
Бездействовать?— Для чести надо лгать,
Чтоб верным быть,— изменником
казаться!

В войне я покажу, как я люблю
Отчизну! Пусть в бою паду я,— время
Рассеет подозренья. Ах, от волн
Судьба порой спасает утлый челн!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перед пещерой.

Входят Бэларий, Арвираг и Гвидерий.

ГВИДЕРИЙ. Кругом тревога страшная.
БЭЛАРИЙ. Уйдем!

АРВИРАГ. Нет в жизни счастья, если убегаем
От подвига опасного.

ГВИДЕРИЙ. Отец,
К чему бежать? Враги нас, как
британцев,
Убьют, или, в измене заподозрив,
Как трусов, нас возьмут в свои войска
И все ж убьют.

БЭЛАРИЙ. Уйдемте, дети, в горы.
Там безопасней! Невозможно нам

И обрекло терпеть зимою стужу,
А летом — зной.

ГВИДЕРИЙ.

Смерть лучше этой жизни!

Отец! Молю тебя: пойдем к отрядам.
Никто не знает ни меня, ни брата,
И ты давно забыт. Ты стал так стар,
Что не узнать тебя.

АРВИРАГ.

Клянусь я солнцем,

Иду сейчас! Стыжусь, что не видал,
Как войны в сраженьях погибают.
Я видел кровь испуганного зайца,
Кровь робких серн в часы охот. Не

ведал

Иных коней я, кроме жалкой клячи,
Бока которой не знавали шпор:

На ней ездок лишь босоногий ездил.
Безвестный, я стыжусь смотреть на

солнце,

Лучами жить его...

ГВИДЕРИЙ.

Клянусь я небом:

И я иду! Благословишь меня,—

Я стану жизнь свою хранить; иначе —
Пусть римляне меня убьют в бою!

Аминь!

АРВИРАГ.

БЭЛАРИЙ.

Коль юностью не дорожите,

Зачем же старостью мне дорожить
Безрадостной своей?! За мной, птенцы!
Коль смерть в бою за родину вас ждет,

Я возле вас умру.— Вперед! Вперед!

(Про себя.)

Они горят. Кровь бурно в них

клокочет:

Чтоб царственность явить,— излиться

хочет.

Уходят.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЯТАЯ

*Поле между лагерями римлян и британцев.
Входит Постум, держа в руках окровавленный платок.*

ПОСТУМ. Я сберегу тебя, платок кровавый:
Я сам желал, чтоб ты кровавым стал!
Нет! Не казнят мужья, как я, за грех
Ничтожный жен, которые невинней,
Чем мы, мужья. — Позаньо верный, ты
Не каждый мой приказ был должен
слушать,
А только правый. — Если бы карали
Меня вы, боги, за вину, то я
Не дожил бы до этой пытки: дали б
Вы срок жене раскаяться, свой гнев
Лишь на меня, виновного, обрушив!
Иных к себе за малый грех берете,
Из жалости, большой предотвратив;

Другим — даете зло за злом свершать
вы,
Чтоб, став чудовищем, блаженно жили.
Она у вас!.. Над нею — ваша воля.
Мне ж дайте силу покориться вам!
Я римлянами привезен сюда
Разить мое отечество. Британья!
Тебя не раню я! Внемлите, боги:
Сняв римские одежды, наряжусь
Простым британцем; буду тех сражать я,
Кем привезен сюда; таким умру
Я за тебя, супруга! Без тебя мне
Мой каждый вздох и жизнь моя — что
смерть!

Неведомый, в крестьянском одеяньи,
Ни ненависть, ни жалость не снискав,
Я подвигам себя отдам в войне!
Мощь Леонатов, боги, дайте мне,
Дух доблестный под скромною одеждой!
Хочу, чтоб мир мишурный пристыдить,
Не внешний блеск, а внутренний явить!

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Поле сражения. Под гром труб и барабанный бой входят с одной стороны Люций, Иахимо и римские воины, с другой — британские войска, за которыми, как простой воин, следует Постум. Они уходят за сцену. Шум битвы. Возвращаются, сражаясь, Иахимо и Постум. Постум побеждает и, обезоружив Иахимо, уходит. Битва за сценой продолжается.

ИАХИМО. Грех мерзкий душу тяготит мою,
Лишая мужества. Оклеветал я
Дочь короля Британьи. Воздух здешний,
Как будто мстя, меня лишает сил.
Когда б не так, то варвар неумелый
В бою, где я и мастер и знаток,
Верх надо мною б одержать не мог!
О, край! Коль войны твои сильнее,
Чем тот простолюдин, как он сильней
Всех лордов,—здесь лишь боги, нет
людей!..

(Уходит.)

Шум битвы продолжается. Британцы бегут. Цимбелин взят в плен. Бэларий, Гвидерий и Арвираг спешат на помощь.

БЭЛАРИЙ. Стой!.. Поле битвы — наше!.. И ущелье
У нас в руках!.. Вам малодушный страх
Велит бежать!..

ГВИДЕРИЙ И АРВИРАГ. Смелей дерись! Отважней!

Бой. Постум помогает британцам. Цимбелин отбит, и они вчетвером уходят. Через некоторое время появляются Люций, Иахимо и Имоджена.

ЛЮЦИЙ. Из войска, мальчик, прочь!.. Здесь убивают

Свои своих! Царит переполох,

Как меж слепых.

ИАХИМО. Пришло к ним подкрепление!

ЛЮЦИЙ. Все неожиданно! Коль помощь к нам
Не подойдет,— бежать придется!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Другая часть поля. Входят Постум и британский вельможа.

ВЕЛЬМОЖА. Оттуда ты, где враг отброшен?

ПОСТУМ. Да!

Вы ж — из числа бежавших с поля?

ВЕЛЬМОЖА. Да!

ПОСТУМ. Нельзя винить вас! Ждало поражение.
Но небеса вступились. Сам король
Отрезан был в смятении от войска.
Видны лишь спины были беглецов,
Спасавшихся в ущельи. Враг в отваге,
Упившись кровью и грабеж почуяв,

Имея больше пред собой труда,
Чем рук, способных этот труд
закончить,—

Одних — сражал, других он ранил,
третьи

Кидались сами на землю от страха.
Проход был полон ранеными в спину
И теми, кто себе на посрамленье
Спас жизнь свою.

ВЕЛЬМОЖА.
ПОСТУМ.

Но где же то ущелье?
У поля битвы. Ров пред ним и вал.
Ущелие использовал старик,
И честный и достойный долгой жизни,
Как утверждают седины его.
Он и два юноши (казалось, им бы
Играть в горелки, а не быть в бою!
Их лица нежны, чище лиц девичьих,
Что скрыты от загара маской), он
И юноши с ним защищали вход
В ущелье и кричали убежавшим:
«Не муж, один олень смерть ищет в
бегстве!
Пойдут в ад души трусов!.. Стой!.. Мы
вас,
Бегущих стадом, как враги, зарежем!
Лицом к врагу опять!.. Лишь так
спасетесь!
Смелее! Стой!» Казалось, пред нами

Три легиона, а не три героя,
Что рать бездельников заменят в деле.
И трое криком «стой», отвагой, прялку
Способной превратить в копье, сумели
Стыдом окрасить лица беглецов,
Поддавшихся примеру бледных трусов.
Позор такой пример в бою подавшим!
Тогда, стыдясь, солдаты осмелели,
Рыча, как львы, пошли на вражьи копья,
Враг растерялся и замедлил шаг.
Бой страшный вспыхнул. Тот, кто

побеждал,

Бежал теперь испуганным цыпленком
Там, где недавно несся, как орел.
Недавний трус стал побеждать отважно,
Став, как в пути далеком — пища,

нужен.

Открылся тыл врага, и наше войско
Ударило на раненых, живых,
На мертвецов, не в силах, точно море,
Сдержатъ напор. Тот, кто от одного
Врага бежал, теперь врагов гнал

двадцать.

Кто раньше смерть предпочитал борьбе,
Теперь драконом стал, несущим гибель
В сраженьи.

ВЕЛЬМОЖА.

Ряд случайностей чудесных!
Ущелье и два юноши, старик!..

Среди мечей. Но все же смерть найду
За бриттов дравшись, я британцем бь
Впредь не хочу; вновь стану тем, к
прибыл
Сюда. Не стану драться; молча сдам
Рабу, что руку на плечо положит.
Рим славно побеждал, но так же сла
Британец Риму отомстил!.. О, смерть
Будь искупленьем за вину ты мне!
Я жизнь на той иль этой стороне
Хочу отдать всю и непременно
Расстанусь с нею ради Имоджены!..

Входят двое британских начальников.

- ПЕРВЫЙ. Хвала богам! Взят Люций в плен,
старц
И двух сынов за ангелов сочли.
- ВТОРОЙ. Четвертый был! В простом наряде!
Очен!
- Помог победе он!
- ПЕРВЫЙ. Был, говорят,
Но он не найден.— Стой! Скажи: кто т
- ПОСТУМ. Я римлянин!
Найдя подмогу, я б не стал уныло
Бездействовать!
- ВТОРОЙ. Схватить собаку! В Ри
Никто из римлян не придет с
рассказом

Скорбь детворы порой смягчает гнев
Земных отцов, а боги — милосердней.
Отрадней мне покаяться в цепях,
В желанной, не насильственной
темнице!..

В расплату за свободу все, что есть,—
Земную оболочку,— вы, о, боги,
Возьмите! Вы добрей ростовщиков,
Берущих часть долгов в уплату долга
Чтобы должник мог вновь разбогатеть..
За жизнь жены всю жизнь мою
возьмите!

Она не так ценна, но все же — ваша!
Не взвесив, копь на деньгах есть чекан
Берут их; жизнь мою (изображенье
На ней — мое, но вам оно подобно!)
В уплату предлагаемую взяв,
Вы долг мой уничтожьте, силы неба!..
О, Имоджена! Хоть безмолвно, я
С тобой мой разговор продолжу!

(Засыпает.)

Торжественная музыка. Появление теней: Сицилий Леонат, отец Постума, величавый старец в воинских доспехах, ведет за руку пожилую женщину, мать Постума. Далее — тени музыкантов. Также в сопровождении музыкантов шествуют два молодых Леоната, братья Постума; у обоих на груди раны, от которых они пали в бою; тени окружают спящего.

СИЦИЛИЙ. Гнев, громовержец, не мечи
На жалких мух земных!
С Юноною ты спор веди!
Ты множеством измен своих
В ней порождаешь гнев!
В чем виноват мой сын? Его
Не видывал мой глаз.
Я умирал, в утробе он
Рожденья ждал свой час.
Коль правда то, что ты — отец
Сирот, спаси его
И охрани от бед земных
Ты это существо!

МАТЬ. Люцина мне не помогла:
Во время самых мук
Был Постум взят, и с детства он
Видал врагов вокруг!
Как не жалеть дитя!

СИЦИЛИЙ. Но доблесть предков, гордый дух
Так возрастали в нем,
Что были все должны признать
Меня — его отцом.

СТАРШИЙ БРАТ. Едва он возмужал, — себе
Соперников не знал
Во всей Британии ни в ком
И столько благ вмещал,
Что справедливо мужем он
Для Имоджены стал.

- МАТЬ.** Насмешка злая — этот брак!
В чужих краях, один,
Лишен наследия отцов,
Без Имоджены сын
В изгнании жизнь влачит!
- СИЦИЛИЙ.** Как ты позволил, чтоб злодей
Иахимо обратил
В игрушку сына и в уме
Он ревность воспалил
И ядом ревности всю жизнь
У сына отравил?!
- МЛАДШИЙ БРАТ.** Затем сюда из тишины
Пришли отец и мать
И мы, два брата, кто в бою
Сумели жизнь отдать,
Тенанция и честь страны
Желая отстоять! *
- СТАРШИЙ БРАТ.** Слугою доблестным служил
У Цимбелина брат.
Юпитер! Отчего ты тем,
Кто честностью богат,
Одни страдания даешь
Взамен иных наград?!
- СИЦИЛИЙ.** Открой кристальное окно
И кары отмени
Для тех, кто в славе и добре
Свои проводит дни.

МАТЬ.

Наш сын достоин, и его
Жестоко не гони!

СИЦИЛИЙ.

Да, не гони! Иль, тени, мы,
В ком плоти нет следа,
Пойдем в совет к другим богам
Для жалобы тогда!

МЛАДШИЙ БРАТ. Дай помощь! Иль мы все уйдем
От твоего суда!

*Среди грома и молнии, сидя на орле, спускается
Юпитер и пускает огненную стрелу. Тени падают на
колени.*

ЮПИТЕР.

Как смеете вы слух наш оскорблять?!
Молчать, страны подземной рой теней!
Меня винить?! Моей стрелой смирять
Умею возмущение людей.

Вернись в Элизий и покойся там
На ложе из невянущих цветов!

До дел земных нет дела, тени, вам!

Так предоставьте их царю богов!

Тех испытую, кто мне больше мил:

От замедленья счастье возрастет.

Тех возвелю, кто унижен был;

Он, кончив муки в жизни, расцветет.

Прочь! Был рожден он под звездой
моей,

И в нашем храме был их брак свершен;

Он встретится с супругою своей,

Чуть родились, они уже исчезли,
Как сладкое исчезло забытье.
Все бедняки, кто верит в милость

свыше,

Проснувшись, не находят ничего.
На многих не мечтающих найти
И недостойных — вдруг нисходит благо.
Так для меня негаданно приснился
Сон неожиданный и золотой.
Не фея ль здесь? Пергамент! В переплете
Чудесном он! Не будь, как то бывает
У царедворцев: лишь снаружи блеск
И пустота внутри. Ты обещаешь
Сдержи, пергамент! *(Читает.)*

«Когда львенок, не ведающий, кто он такой, обретет
то, чего он не искал, и будет овеян струей теплого
воздуха; когда ветви векового кедра, который всем ка-
зался погибшим, вновь зазеленеют на старом стволе,—
тогда окончатся и беды Постума. Британья снова
будет счастлива, и в ней расцветут мир и богатство».

Что это,— сон или бред, что с языка
Слетел безумца, вопреки рассудку?
Сон это или бред? Или, может быть,
Ни то, ни это? Может быть, ничто?
Но это так на жизнь мою похоже,
Что в памяти его я сберегу!

Входят тюремщики.

ТЮРЕМЩИК. Ну, приятель, подготовился ли ты к смерти?

ПОСТУМ. Даже слишком подготовился! Чем скорей, тем лучше!

ТЮРЕМЩИК. Речь идет о виселице. Итак, ты для нее не только поджарился, но и пережарился?

ПОСТУМ. И все же, если это блюдо будет по вкусу зрителям, то оно оправдывает себя!

ТЮРЕМЩИК. Тяжелая расплата! Особенно для тебя, дружище! Тебя может порадовать только то, что тебе уж больше не придется платить по счетам. Ты даже не увидишь этой трактирной цыффиры, которая напоследок, перед уходом, отравляет грустью полученное удовольствие. Как же: когда тыходишь в трактир, у тебя кружится голова от голода, а когда уходишь — от вина, и тебе досадно, что ты так много взял и так много отдаешь! И кошелек и мозг — пусты: мозг тяжел потому, что ты был слишком легкомыслен, а кошелек легок потому, что тяжел желудок. С этого дня ты, приятель, огражден от всех этих неприятностей. Веревка, хоть вся-то цена ей один грош, ценна своим милосердием: она навек прекращает все невзгоды. Нет лучшего счетовода, чем она: он сводит к нулю все прошлые, настоящие и будущие расходы. Для этого счетовода твоя шея, дружище, — расчетный лист!

ПОСТУМ. Для меня больше радости в смерти, чем для тебя в жизни.

ТЮРЕМЩИК. Ясно: кто спит, у того зуб не болит! Но мне кажется, что тот, кто должен уснуть таким сном, как ты, да еще лечь в постель с помощью палача,— тот охотно поменялся бы своим местом с палачом. Никогда не знаешь, какая дорога предстоит тебе после смерти.

ПОСТУМ. Свою дорогу я вижу ясно!

ТЮРЕМЩИК. Смерть обычно изображают безглазым черепом, но если ты уже видишь свою посмертную дорогу, так, значит, у тебя смерть глазастая, хотя я никогда не видал, чтоб ее изображали зрячей. Обычно после смерти идешь или за проводником, уверяющим, что он знаток в загробных путях, или же наугад, не зная, что ждет тебя впереди. Ну, а о том, как ты дойдешь до конца этого пути, ты, конечно, никому не сможешь рассказать.

ПОСТУМ. Вот что, старина: у всех есть глаза, чтоб отыскать ту дорогу, по которой предстоит идти. И не видят ее только те, которые вместо того, чтоб глядеть, бредут, закрыв глаза.

ТЮРЕМЩИК. Вздор! Кто же, имея глаза, будет ходить, закрыв их? Впрочем, виселица заставит закрыть глаза кого угодно.

Входит гонец.

ГОНЕЦ. Сними с него цепи и отведи его к королю!

ПОСТУМ. Благодарю за добрую весть! Если меня

ведут к королю, то, вероятно, для того, чтоб даровать мне свободу.

ТЮРЕМЩИК. Этому не бывать, или пусть меня повесят!

ПОСТУМ. Если тебя повесят, ты будешь свободнее, чем теперь! Мертвец свободней тюремщика: для него нет никаких запоров и засовов. *(Уходит с зонтом.)*

ТЮРЕМЩИК. Сдается мне, что даже тот, кто хочет жениться на виселице, не станет стремиться так страстно к своей нареченной, как этот! Хотя он и римлянин, но на свете немало куда больших, чем он, негодяев, которые цепляются за жизнь, хотя все же иногда умирают по принуждению. Если б я был на месте этого римлянина, я поступил бы, как один из этих негодяев. Мне хотелось бы, чтоб в этом отношении все люди пришли к одному выводу, и притом к хорошему. Тогда плохо было бы только виселице и тюремщику. Я сам браню выгоду моего ремесла, но мое желанье, если оно осуществится, принесет всем счастье. *(Уходит.)*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ставка Цимбелина. Входят Цимбелин, Бэларий, Гвидерий, Арвират, Пэзаньо, вельможи, воины и свита.

ЦИМБЕЛИН. Богами вы ниспосланы спасти
Мой трон! Как жаль, что тот не
найден воин,

Что с вами рядом был; простой
одеждой
Своей он пристыдил блеск лат вельмож
И голой грудью шел на вражьи копья.
Коль наша милость—счастье, счастлив тот,
Кто война найдет.

БЭЛАРИЙ. Я не встречал
Такого благородства в жалких людях.
По виду нищий и забитый, он
Героем был!

ЦИМБЕЛИН. Известий нет о нем?
ПЭЗАНЬО. Среди убитых и живых—нигде
Не найден он.

ЦИМБЕЛИН. В наследство благодарность,
Что заслужил, оставил нам. Ее
Мы вам даем, душа и мозг Британьи.
Да! Вы спасли наш край! Скажите нам,
Кто вы такие?

БЭЛАРИЙ. Мы, король, дворяне
Из Камбрии. Иные похвальбы
Неправы и нескромны будут. Люди
Мы честные.

ЦИМБЕЛИН. Колени преклоните!
Так! Встаньте, рыцари мои, теперь!
Вы в свите будете моей и почесть
По сану вашему дарую вам.

Входят Корнелий и дамы.

О чем печаль? Встречаете победу
С таким вы видом, что на римлян вы
Похожи, а не на британцев наших!

КОРНЕЛИЙ. Прерву я вашу радость грустной вестью
О смерти королевы.

ЦИМБЕЛИН. Не пристала
Такая весть врачу!.. Хоть может длить
Лекарство жизнь, но даже врач от
смерти

Им не спасен!— Как умерла она?

КОРНЕЛИЙ. В безумии, как дней жила остаток...
Ко всем жестока средь жестоких мук.
Коль разрешите, я ее признанья
Вам передам. Пусть дамы, что рыдали
При смерти королевы, обличат
Меня, коль я солгу.

ЦИМБЕЛИН. Я жду рассказа!

КОРНЕЛИЙ. Не вас она любила, а величье,
Что шло чрез вас, и, ненавидя вас,
Она женой была престола, мужем
Ей был ваш сан.

ЦИМБЕЛИН. То знала лишь она!

Не соверши признанья перед смертью,
Я б не поверил ей. Продли рассказ!

КОРНЕЛИЙ. Любя притворно вашу дочь, питала
К ней ненависть в душе, как к
скорпиону,

И если бы не скрылась ваша дочь,
Ее бы отравила королева.

ЦИМБЕЛИН. Коварный демон! Кто бы разгадал,
О, сердце женское, тебя!— Но дальше!

КОРНЕЛИЙ. Есть худшее.— Что у нее был яд
Для вас смертельный. Будь он вами
выпит,

Он медленно, но неуклонно жизнь
У вас точил. Пока бы вы хворали,
Слезой и лаской утвердивши власть
Свою над вами, миг найдя удачный,
Заставила б наследником престола
Вас Клотэна назначить. Принц исчез
Таинственно, расстроив план; в безумьи
И злобствуя на небо и людей,
Она открылась в помыслах, жалея,
Что рухнул план злодейский!

И безумной

Она скончалась.

ЦИМБЕЛИН. Вы слышали тоже?

ДАМЫ. Да!

ЦИМБЕЛИН. Взор мой не виновен, красотой
Ее пленен, а слух пленен был лестью;
Душа — вид внешний сущностью сочла.
Но мог ли я не верить? И моджена!
Ты можешь, испытав, что испытала,
Меня безумным величать! О, небо!
Когда б я мог исправить все, что было!

Входят Люций, Нахимо, прорицатель и другие римляне под стражей. За ними Постум и Имоджена в наряде паж.

Не дань пришел ты, Люций, получать!
Мы сбросили ее мечами, впрочем,
Немало храбрых потеряв. Их семьи
Казнь вашу требуют, чтоб успокоить
Усопших тени.— Казнь я повелел!
Так взвесь свою судьбу!

ЛЮЦИЙ.

Ты также взвесь превратности войны.
Случайно победили вы. Будь с нами
Победа, хладнокровно пленных мы
Не стали бы казнить. Но если боги,
Как выкупа, убийства ждут, пусть смерть
Придет! Как римляне, умрем достойно!
Наш Цезарь жив, и смерть запомнит он.
Я только об одном прошу: позволь мне
Пажа — британца юного — спасти
И выкупить его. Пажей иных он
Скромней, усердней и трудолюбивей.
Он предан, верен, с девушкой он схож.
Достоинствам его души поверив,
Ты просьбу не отвергнешь, государь!
Пусть он у римлянина был слугою,
Но зла британцам он не причинил.
Спаси его, а прочих римлян можешь
Ты не щадить.

Чем я для вас. Как подданный
британский,

Я ближе вам.

ЦИМБЕЛИН. Что ж так глядишь в упор?

ИМОДЖЕНА. Наедине могу сказать вам правду,
Коль внемлите?

ЦИМБЕЛИН. Я слушаю тебя
С вниманьем. Как тебя зовут, мой
мальчик?

ИМОДЖЕНА. Фидельо!

ЦИМБЕЛИН. Мне отныне будь лажом!
Наедине откройся без стеснения!

Отходят и беседуют.

БЭЛАРИЙ. Из мертвых он воскрес!

АРВИРАГ. Нет, две песчинки

Не схожи так, как этот паж с Фидельо,
Что умер подле нас и был нам мил.

ГВИДЕРИЙ. Умерший ожил!

БЭЛАРИЙ. Он нас не узнаёт. Бывают сходства!
Будь это он,— он с нами б начал речь!
Молчи и жди!

ГВИДЕРИЙ. Мы труп его выдали!

БЭЛАРИЙ. Посмотрим!

ПЭЗАНЬО (*про себя*). Это — госпожа моя!

Она жива! Пусть будет то, что будет!

Цимбелин и Имоджена подходят.

А сердце точит кровь... Прости... Мне
плохо!

ЦИМБЕЛИН. При чем здесь дочь?.. Приди в себя!
Живи,

Пока позволит жизнь!.. Не умирай,
Пока всего не знаю. Говори же!

ИАХИМО. Я в Риме был... Будь проклят этот
час!..

Будь проклят дом, где все происходило!
Был пир... О, почему отраву повар
Мне в пищу не подсыпал!.. Добрый
Постум!..

Он слишком добр, чтоб меж дурными
быть!

О, между славных он бы был
славнейшим!

Да, он грустил, пока хвалили мы
Красоток итальянских и их прелесть,
И рядом с нашим пышным хвастовством
Любое хвастовство бледнело вмиг!
Казался стан их нам прекрасней стана
Венеры и Минервы* (хоть досель
Природа лучшего не создавала!),
Душа — достойной, красота же их —
Извечной удочкой, что ловко ловит
Мужей...

ЦИМБЕЛИН. Как на горячих углях я!
Скорей!

ИАХИМО.

О, слишком скоро я продолжу!
Иль хочешь скорбь узнать свою скорей?!
Как должно всем дворянам и

влюбленным

В принцесс, наш Постум возражал

учтиво

И, не хуля тех, кто хвалим был нами,
Так вдохновенно стал живописать
Достоинства своей жены, что стало
Одно нам ясно: иль мы — дураки,
Иль восхищаемся с таким восторгом
Мы прачками...

ЦИМБЕЛИН.

ИАХИМО.

Скорей к концу!.. Скорей!

Когда же речь коснулась Имоджены
И чистоты ее, он нам сказал,
Что страстные летают сны к Диане
И только дочь твоя чиста! Тогда
Я, усомнившись, предложил в заклад
Все золото против кольца, что было
На пальце у него, и утверждал,
Что я вкушу блаженство с Имодженой,
Ее паденьем выиграв наш спор.
Как рыцарь, он, уверенный в супруге,
Мой вызов принял. И, поставил он
Карбункул колесницы Феба *, даже
Будь он дороже колесницы всей.
Я выехал в Британию; быть может,
Вам памятен приезд мой? Ваша дочь

Меж похотью и подлинной любовью
Мне указала разницу, лишив
Надежд, но не желания победы.
Мой хитрый мозг придумал гнусный

план,

Который прямо к цели вел меня!..
Короче: план удался. В Рим вернулся
Я с ложью доказательств, и с ума
Свел ими Леоната, и разрушил
Уверенность в невинности жены.
Речь о коврах и о картинах в спальне
И ловкостью доставшийся браслет,
Слова о тайной родинке на теле,—
И веры нет... Решил он, что жена
Нарушила со мною клятву брака,
Честь потеряв... Ах, словно предо мной
Он сам!..

ПОСТУМ.

Он здесь, о демон итальянский!
Я глуп и легковверен!.. Я—убийца,
Чудовище и вор! Мне дайте клички
Злодеев прошлых, нынешних, грядущих!
Веревку дайте, нож и яд! Отправьте
К свирепому, но правому судье,
Отдайте палачам искусным в пытке!
Таких, как я, чудовищ мир не видел!
О, государь! Я—Постум!.. И—
убийца
Я дочери твоей! О, нет! Я лгу!

ПЭЗАНЬО. Теперь, принцесса, лучше ль вам?
ИМОДЖЕНА. Прочь с глаз моих, коварный!

Ты яд мне дал. Близ королей дышать
Не смей! О, прочь!

ЦИМБЕЛИН. То голос Имоджены!

ПЭЗАНЬО. О, госпожа!

Пусть боги серой опалят меня,
Коль тот состав, что дан был королевой,
Мог не лекарством счесть, а ядом я!

ЦИМБЕЛИН. Что слышу?

ИМОДЖЕНА. Яд в составе был!

КОРНЕЛИЙ. О, боги!

Ах, я забыл предсмертные слова!
Оправдан ими ты! Она шептала:
«Коль передал Пэзаньо ей состав
Лекарственный, то угостил принцессу,
Как крысу, он».

ЦИМБЕЛИН. Корнелий, объясни!

КОРНЕЛИЙ. Под видом любознательности часто
Покойная просила королева
Яд приносить, твердя, что нужно опыт
Над кошками и псами сделать ей.
Боясь преступных целей, я ей дал
Состав такой, который несомненно
В умершего больного превратит
Для окружающих на срок недолгий,
Но скоро вновь для жизни возвращает.
Состав, принцесса, выпили вы мой?

ИМОДЖЕНА. Да, и меня сочли умершей!
БЭЛАРИЙ. Это

Нас, дети, обмануло!

ГВИДЕРИЙ. Наш Фидельо!

ИМОДЖЕНА. Зачем жену ты оттолкнул? Представь,
Что на скале мы! Сбрось меня с нее!

(Обнимает Постума.)

ПОСТУМ. О, нет! Как плод на дереве живущем,
Ты будь на мне!

ЦИМБЕЛИН. От плоти плоть моя!
Иль я всего лишь зритель? Не
находишь

Слов для меня?

ИМОДЖЕНА *(встав на колени)*. Отец, благослови!

БЭЛАРИЙ. Мои птенцы, о, как вы были правы,
Ее любя!

ЦИМБЕЛИН. О, стань святой водой,
Моя слеза!— Что мачеха скончалась,
Слыхала ты?

ИМОДЖЕНА. Мне жаль ее, отец!

ЦИМБЕЛИН. Она была так зла! Она виновна,
Что мы так странно встретились с
тобой!..

Пропал куда-то также Клотэн.

ПЭЗАНЬО. Ныне

Мой страх прошел, и правду я скажу!..
Узнав про бегство госпожи, принц Клотэн

Взмахнул мечом и с пеною у рта
Грозил убить, коль не открою места,
Где Имоджена. Я владел письмом
От господина. Принц, прочтя записку,
За госпожою ринулся в Мильфорд.
Разгневанный, в наряде господина
(Заставил принц меня наряд отдать!),
Принц поскакал, составив план
преступный:

Лишить насильно чести госпожу.
Его судьбы дальнейшей я не знаю.

ГВИДЕРИЙ. Рассказ dokonчу. Клотэн мной в горах
Убит.

ЦИМБЕЛИН. О, боги! Было б мне обидно
За подвиги тебя на смерть обречь!
О, храбрый юноша! Ты отрекись
От слов своих!

ГВИДЕРИЙ. Что я сказал, то сделал!

ЦИМБЕЛИН. Но он был принц!..

ГВИДЕРИЙ. Он был наглец!.. Похож на принца не
был,

Когда меня обидел!.. Если б море
Ревело так, ему я отрубил бы

Башку. Принц обезглавлен мной, и
рад я,

Что он не может хвастать здесь, что им
Я обезглавлен!

ЦИМБЕЛИН. Собственный язык

Тебя обрек, и должен по закону
Ты умереть!

ИМОДЖЕНА. За мужа — труп безглавый
Я приняла!

ЦИМБЕЛИН. Преступника связать!..
С глаз увести!..

БЭЛАРИЙ. О, государь, терпенье!
Он лучше, чем убитый, и тебе
Он родом равен. Оказал услугу
Он больше, чем сто Клотэнов, стране.
Не троньте рук, что созданы природой
Не для цепей!

ЦИМБЕЛИН. Старик! Свои заслуги
Ты хочешь умалить, не получив
За них наград и гнев наш вызвав! Как же
Он равен нам?

АРВИРАГ. Хватил он через край!

ЦИМБЕЛИН. Нет, он умрет!

БЭЛАРИЙ. Мы все умрем, но прежде
То, что о первом я сказал, скажу
И о втором. Открыть я должен тайну,
Что, угрожая мне; вам принесет
Конец счастливый.

АРВИРАГ. Мы умрем с тобою!
ГВИДЕРИЙ. У нас все общее!

БЭЛАРИЙ. Был у тебя,

О, государь, вассал; он назывался
Бэларием?

ЦИМБЕЛИН. Да, был! Но за измену

Он изгнан мной.

БЭЛАРИЙ. Он тех же лет, что я;

Да, изгнан я, но до сих пор не знаю
За мной измен!

ЦИМБЕЛИН. Схватить его! Ничто

Его спасти не может!

БЭЛАРИЙ. Не спеши же!

Мне заплати, что сыновей твоих
Я вырастил! Потом, бери обратно
Все то, что дашь!

ЦИМБЕЛИН. Как? Сыновей моих?

БЭЛАРИЙ. Я слишком груб и дерзок, но, колена
Склонив, не встану, юношам не дав
Их сан высокий. А потом карайте
Их дряхлого отца.— Да! Эти дети
Меня отцом считают, государь,
Но их отец — не я, как полагают,
А ты!

ЦИМБЕЛИН. Не может быть! Я — их отец?

БЭЛАРИЙ. Как ты — сын своего отца! Хоть ныне
Зовусь я Морган, но Бэлари — я,
Тобою изгнанный. Твое желание
Меня изгнать — лишь в этом я
преступен,

И в этом вся измена, а вина —

В том, что страдал ни в чем я

неповинный.

Воспитывал я много лет двух принцев,
Прекрасных телом, так же как душой.
Им дав все то, что знал. Их Еврифила
Похитила, моей женою став.

Так я велел, наказанный безвинно
За свой позднейший грех! Я изгнан
был

За преданность — и стал тогда
изменник!

Ты горевал, и радовался я,
Что воровство достигло цели. Ныне
Я вновь дарю единственных друзей,
Что я имел, — тебе. Благословенье
Сияющих небес пусть окрѣпит
Росой счастливой их. Они достойны,
Как звезды яркие на небесах,
Сиять.

ЦИМБЕЛИН. Ты говоришь и горько плачешь!
А помощь вас троих еще чудесней,
Чем твой рассказ. Я потерял сынов;
Чего ж еще желать, коль эти двое
Мои сыны.

БЭЛАРИЙ. Еще немного слов!
Вот старший принц — Гвидерий;
Полидором
Он прозван мной. А Арвирагом был
Принц младший — Кавдал. Был он в
одеяло,

Что выткано покойной королевой,
Их матерью,— закутан. Я могу
Ткань эту чудную тебе представить,
Чтоб верил ты.

ЦИМБЕЛИН.

Гвидерий мой имел
Чудесный знак — багряную звезду
На шее.

БЭЛАРИЙ.

И звезда до этих пор
На шее принца для того, наверно,
Чтоб легче мог ты, Цимбелин, его
Признать.

ЦИМБЕЛИН.

Я, словно мать, что разродилась
Вмиг тройнею. Похищенные дети
Вновь возвращаются в свой отчий дом,
Но братья похищают, Имоджена,
Теперь навек твой царственный венец.

ИМОДЖЕНА.

Но мне за то два мира возвращают.
О, братья, вновь нам встретиться
пришлось!..

Но речь моя была правдивей вашей:
Меня, сестру, вы называли братом,
А я вас, братьев, братьями своими
Звала!

ЦИМБЕЛИН.

Так разве вы уже встречались?

АРВИРАГ.

Встречались!

ГВИДЕРИЙ.

С первых встреч ее любили,
Пока ее умершей не сочли.

КОРНЕЛИЙ.

От яда королевы.

ЦИМБЕЛИН.

О, природа!

О, как мне все узнать?! Событий

столько

Переплелось, что объяснить их надо
Подробнее, чем рассказ твой объяснил.

Где ты жила? Как римский знатный
пленник

Тебя на службу взял? Как

повстречалась

Ты с братьями и разлучилась вновь?
Зачем бежала из дворца? Куда?

О, множество задать вопросов надо!

Хочу понять стечение обстоятельств,
Случайностей чудеснейшую связь!

Не время и не место для расспросов

Теперь... Наш Постум возле Имоджены

Свой бросил якорь, а она сверкает,

Как молния безвредная, свой взор

Кидая мне, и братьям, и супругу,

И нас ответным пламенем дая.

Идем! Пусть дым от жертв наполнит

храмы.

(Бэларию.)

Ты братом будь отныне навсегда.

ИМОДЖЕНА. А мне отцом! Я с помощью твоею

До счастья добрела.

ЦИМБЕЛИН.

Здесь, кроме пленных,

Все рады. Пусть они ликуют так же,
Как мы.

ИМОДЖЕНА (Люцию). Теперь, мой господин, помочь
Готова вам.

ЛЮЦИЙ. Будь счастлива, принцесса!

ЦИМБЕЛИН. Как жаль, что воин доблестный исчез,
Не дав мне отблагодарить, как должно,
Его.

ПОСТУМ. В простой одежде воин — я!
Вблизи трех храбрецов я дрался. Надо
Мне было так одеться. Иахимо
Вам подтвердит, кто этот воин был!..
Поверженный лежал ты, и я мог бы
Тебя убить.

ИАХИМО (склоняясь). Вновь падаю во прах!..
Теперь меня повергла наземь совесть,
Тогда же — мощь всецельная твоя.
Ты жизнь возьми, кольцо возьми с
браслетом
Невиннейшей принцессы и вернейшей
В любви супруги.

ПОСТУМ. Не склоняй колени!
Прощая — мщу. Добром я торжествую!
Живи! С другими ты честнее будь,
Чем был со мной.

ЦИМБЕЛИН. Вот благородный суд:
Великодушным быть он учит нас.
Прощаю всех!

АРВИРАГ.

Как брат, ты помогал нам,

И радостно, что и на самом деле
Мы — ваши братья.

ПОСТУМ.

Я, принцы, ваш слуга! О римский вождь!
Зови кудесника! Я в сновиденьях
Увидел тень родных и громовержца,
Что на землю спустился на орле.
Проснувшись, на груди нашел пергамент,
Значение которого темно
И непонятно мне. Пускай кудесник
Все истолкует, знанье показав
Свое нам и искусство.

ЛЮЦИЙ

Филармон!

КУДЕСНИК. Я здесь, начальник!

ЛЮЦИЙ.

Растолкуй значенье.

КУДЕСНИК (*читает*). «Когда львенок, не ведающий,
кто он такой, обретет то, чего он не искал, и будет
связан струей теплого воздуха, когда ветви векового
кедра, который всем казался погибшим, вновь зазеле-
неют на старом стволе,— тогда окончатся и беды По-
стума. Британия снова будет счастлива, и в ней расцве-
тут мир и богатство».

Ты — львенок, Леонат, рожденный

львом,

Что будет по-латыни: Leo natus

А ласковая воздуха струя —

(Цимбелину)

То дочь твоя — ведь *mollis aer* значит
«Нежнейший воздух», *mulier* — «супруга»,
Вернейшая из жен. Был прав оракул.

(Постуму.)

Ее ты не искал, не ждал ее,
Она ж тебя, как самый нежный воздух,
Овеявши, взяла в свои объятия!

ЦИМБЕЛИН. На правду все похоже!

КУДЕСНИК.

Цимбелин —

Кедр вековой, а сыновья, что были
Похищены Бэларьем, — это ветви;
Они казались мертвыми, но ныне
Зазеленели вновь на вековом
Стволе. В стране опять цветут

богатства

И мир.

ЦИМБЕЛИН.

Прекрасно! С мира мы начнем!

Мы, Люций, победивши, добровольно
Власть Цезаря и Рима признаем
И дань платить обычную согласны.

От дани отказались мы по воле
Злой нашей королевы, но теперь
Ее и сына покарал жестоко
Суд праведный небес.

КУДЕСНИК.

Небесный перст настраивает струны
На мирный лад. Сон, Люцию

раскрытый

Мной пред началом битвы, разъяснился:
Орел, из Рима, с юга и на запад
Стремивший свой полет, все уменьшаясь,
Чтобы исчезнуть в солнечных лучах,
Нам предвещал, что Цезарь

венценосный

Вновь будет дружбою соединен
С тобою, Цимбелин наш лучезарный,
Сияющий на западе лучом!

ЦИМБЕЛИН. Хвала богам! Пусть благовонный дым,
От жертвенников наших восходящий,
Поднимется до их ноздрей. Известьем,
Что мир настал, мы подданных своих
Обрадуем! Идем! Пусть плещут в ряд
Британские и римские знамена!
Мы прочный мир скрепим пред алтарем
И, пиршествуя, дружно в Люд войдем!
Еще с мечей не вытерли мы кровь,—
Войне конец! Она не вспыхнет вновь!..

Уходят.

ЗАНАВЕС

К О Н Е Ц

КРАТКАЯ СПРАВКА

«Цимбелин» написан Шекспиром в 1609 году и, наряду с «Зимней сказкой» (1610) и «Бурей» (1612), принадлежит к последнему периоду творчества великого драматурга. Комментаторы относят «Цимбелина» к «романтическим пьесам» Шекспира, в отличие от его трагедий и комедий. Действие происходит в древней Британии. Кунобелин, или Цимбелин, царствовал незадолго до вторжения в Британию римских войск под начальством Авла Плавта (43 год). Легендарное жизнеописание Цимбелина Шекспир нашел в «Хрониках» Голиншеда, добавив от себя тему нашествия римлян под начальством никогда не существовавшего Кая Люция. Клеветническая проделка Иахимо подсказана, возможно, одной из новелл Боккаччио. Повести о королеве и ее сыне Клотэне, а также об укrywшемся, вместе со своими «птенцами», в дикой горной местности Бэларири созданы самим Шекспиром.

Среди образов «Цимбелина» ярко выделяется доблестная Имоджена, напоминающая и юную Джульетту и «прекрасную воительницу» Дездемону, смело отстаивающую свое право любить того, кого избрало ее сердце. Имоджена отчасти напоминает и Виолу из «Двенадцатой ночи» и Елену из комедии «Конец—делу венец». Но если Виола, бездомная сирота, любит герцога, Елена, дочь скромного врача,— знатного джентльмена, в «Цимбелине» принцесса любит «простого смертного». В самой экспозиции пьесы заложена та сказочность, которая безусловно чувствуется в этом и в других произведениях последнего периода шекспировского творчества. Заметим, наконец, что прорывающийся местами жизне-радостный юмор Имоджены заставляет вспомнить Розалинду из «Как вам это понравится», а то положение, в котором оказывается *оклеветанная Имоджена, перекликается с мотивом Геро и Клавдио из «Много шума из ничего».

Некоторые комментаторы несправедливо видят в *Постуме* воплощение ревности. Пушкин писал об *Отелло*: «Отелло от природы не ревнив,—напротив, он доверчив». Пушкин противопоставлял ревность доверчивости. *Постум* доверчив, наивен даже. Воспитанный в скромной семье, он не имеет представления о нравах великосветской «золотой молодежи». Он воспринимает жизнь открытой душой, и то, что лишь забава для *Иахимо*, для него становится мучительным переживанием. Несправедливо называть *Иахимо*, как это делают некоторые ком-

ментаторы, «мелким Яго». Заметим, что, в отличие от последнего, Иахимо не преследует никаких корыстных «макиавеллистических» целей. Это скорее повеса, великосветский самодовольный щеголь, которого толкает на гнусный поступок пустое тщеславие и «удальство». В отличие от Яго, он в конце пьесы раскаивается. Образы королевы и Клотэна предвосхищают ведьму Сикоракс и Калибана из «Бури». Что-то паучье есть в этой красивой, хищной и лицемерной королеве (элемент условной «аллегоричности» несомненно типичен для последних пьес Шекспира). На рассвете она собирает травы и цветы (утренняя роса, по поверьям той эпохи, придавала цветам и травам особую силу). Не изготавливает ли она отравленные букеты и не задумала ли с самого начала пьесы погубить Цимбелина, чтобы посадить на престол Клотэна? Первоначальный ее план — женить сына на наследнице королевства Имоджене, которую она также ненавидит (ср. рассказ Корнелия в конце пьесы). Имя Клотэн, возможно, ассоциировалось с «клот» — ком земли, земляная глыба. Перед нами вырисовывается образ уродливого, неуклюжего, тупоумного сатира.

Сам Цимбелин — эгоистичный и капризный сибарит, всецело находящийся под влиянием королевы. Заметьте характерный для него штрих: он говорит, что непослушание Имоджены старит его на один год. Гнев его вообще не глубок. Типично, что, сердясь на дочь, он тут же желает ей умереть в старости.

Бэлариий и его воспитанники Гвидерий и Арви-

раг — «люди природы». Как и в «Зимней сказке» (Пердита и Флоризель), Шекспир возвращается к теме, которая так ярко звучит в его ранних комедиях. Только на лоне природы разрываются цепи несправедливых отношений, торжествуют юные силы и любовь («Сон в летнюю ночь», 1595). Природа устанавливает равенство между герцогом и пастухом, шутом и дворянином; на лоне ее звучат веселые робингудовские мотивы «зеленого леса» («Как вам это понравится», 1599). Но в заключительный период творчества гуманистическая мысль Шекспира поднялась на более высокую ступень. Хотя образы «природных людей», живущих среди диких скал, и являются перед нами как образы светлые и чистые, но один лишь утомленный прошлым своим Бэларий удовлетворен таким существованием. Молодое же поколение, Гвидерий и Арвираг, томится среди диких скал, как в неволе. Им хочется вернуться к людям, к деятельному существованию. В конце картины звучат рога призывом к деятельной жизни. Бэларий знает, что его «птенцы» скоро вернутся к людям. Жизнь движется и зовет людей — таков лейтмотив этой романтической сцены.

Действие пьесы происходит, повидимому, весной (в пьесе упоминаются фиалки и первоцвет). Замечательно в «Цимбелине» разнообразие картин: перед нами проходят и королевский дворец, и спальня Имоджены, и дикие, пустынные скалы, и сражение Гвидерия с «наглым куском мяса» Клотэном, напоминающее битву героя с чудовищем, — тема народного мифа, — и, наконец, битва

народного воинства, возглавляемого Бэларием, его «птенцами» и Постумом в крестьянской одежде, с аристократическим, патрицианским войском римлян. Пьеса заканчивается всенародным пиршеством (о предстоящих пиршествах упоминает в конце пьесы Цимбелин).

Как и «Зимнюю сказку», «Цимбелина» можно назвать трагедией, увенчанной счастливым концом. Лейтмотивом пьесы является борьба доблестной Имоджены. Ее враги — королева, Клотэн, Иахимо. Не забудем, что «Цимбелин» был написан Шекспиром после великих трагедий («Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Тимон Афинский»), отразивших столкновение гуманистических идеалов Шекспира с окружающей его жестокой действительностью. Год создания «Цимбелина» относится ко времени начавшегося падения Ренессанса в Англии, точнее — его распада. Мудрая проницаемость переродилась в преступный макнавелизм: вместо гуманиста отца Лаврентия из «Ромео и Джульетты» (1595) теперь утренние цветы и травы собирает коварная королева. Веселое, бурное, «фальстафовское» ликование плоти выродилось в грубую животную силу (Клотэн). Блестящая «итальянизированная» культура молодых аристократов, вроде графа Саутгэмптона, покровителя Шекспира в его юности, превратилась в пустой, великосветский, распущенный гедонизм (Иахимо). Но Шекспир не терял веры в жизнь, несмотря ни на что: Имоджена побеждает все преграды, и пьеса завершается ее торжеством.

Пятый акт, как не раз указывала шекспироведческая критика, страдает многими недостатками. Напомним хотя бы явление Юпитера, близкое к феерии (по мнению некоторых текстологов, феерическая сцена сна Постума не принадлежит Шекспиру и является вставкой), «окровавленный платок», упоминаемый Постумом в начале акта и являющийся типичным для той эпохи аксессуаром «трагедий грома и крови», а также длинные монологи в конце пьесы, которые повторяют известные зрителю события. Но следует помнить, что деление на акты не принадлежит Шекспиру. Вполне поэтому законно и четырехактное деление; пятый же акт, много повредивший сценической популярности «Цимбелина», может быть сокращен и присоединен к предыдущему.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 5.

*«...Не так подвластна звездам
Жизнь наша...»*

Астрологические воззрения были широко распространены в эпоху Шекспира. Звезды, как верили тогда, определяли судьбу человека.

К стр. 6—7.

Кассибелан, Тенанций — британские короли, упоминаемые в «Хронике» Голлиншеда, согласно которому Тенанций был отцом Цимбелина.

К стр. 7.

«Леонат» (лат.) — знаменитый словарь XVI века Робертуса поясняет, что «Леонатами» прозывались «доблестные мужи, по материнской линии единокровные с Александром Македонским».

К стр. 14.

*«...Будь в Африке их бой,
О, я б негодного иглой колола!»*

«Будь их бой в пустыне и не будь никого поблизости, чтобы их разнять» — разъясняет это место Рольф. Но возможно и другое толкование: «если бы мы были дикарями и если бы разрешено было прибегать к любому оружию».

К стр. 31.

Иахимо сравнивает Имоджену с фениксом. Феникс — сказочная аравийская птица. Здесь в значении чего-то редкого, единственного, не сравнимого с другими.

К стр. 31.

«Как парфянам». — Тактика кавалерии древних парфян заключалась в том, чтобы, изобразив притворное бегство, затем, повернувшись в седле, осыпать стрелами врага.

К стр. 36.

«...Вы жрицею Дианы
Хотите жить?»

Диана — античная богиня девственной чистоты и целомудрия. Иахимо иронически намекает на обет целомудрия, приносимый жрицами Дианы.

К стр. 45.

«...Тарквиний
К невинности подкрался...»

Тарквиний — последний из легендарных царей Рима. Он ночью подкрался к спящей Лукреции и изнасиловал ее. За это преступление он был изгнан из Рима (см. поэму Шекспира «Лукреция»).

К стр. 45.

*«...Как украшаешь,
Цитера, ложе ты!..»*

Цитера — Венера, античная богиня красоты.

К стр. 46.

Филомела — героиня древнегреческой легенды. Филомелу изнасиловал фракийский царь Терей и вырезал у нее язык, чтобы она не могла рассказать об его преступлении.

К стр. 60.

«Как василиск, оно глаза мне ранит!»

Василиск — легендарный змей из средневековой мифологии, убивающий одним своим взглядом.

К стр. 63.

«Старик Сатурн».

Сатурн — божество античной мифологии, отец Юпитера.

К стр. 65.

«Когда наш Юлий Цезарь...»

Юлий Цезарь завоевал Британию в 55—54 годах до нашей эры. Август умер в 14 году нашей эры. Однако Цимбелин царствовал в Британии несколько позднее. Но вряд ли мы имеем право искать у Шекспира точной хронологии событий.

К стр. 66.

«Под скипетром Нептуна он...»

Нептун — античный бог моря.

К стр. 66.

«Пришел, увидел, победил»

Согласно Плутарху, этими словами возвестил Цезарь об одной из своих побед.

К стр. 66.

«Он город Люду...»

Люд или Люда — древнее название Лондона.

К стр. 67.

«...Мульмуций дал законы нам...»

Мульмуций — легендарный британский король, о котором Голиншед в своей «Хронике» говорит, что он был «первым из королей Британии, венчавшимся золотой короной».

К стр. 71.

«В Мильфорде он?!»

Мильфорд — гавань в Южном Уэльсе.

К стр. 80.

«Эней ложь...»

Эней, воспетый римским поэтом Вергилием, герой древней Трои, клялся карфагенской царице Дидоне в своей любви, но покинул ее.

К стр. 80.

«Плач Синона».

Синон — имя того легендарного грека, который живым своим рассказом побудил осажденных троянцев вкатить внутрь городских стен деревянного коня, скрывавшего в своей утробе вооруженных греков. «Плач Синона» соответствует «крокодиловым слезам».

К стр. 86.

«Великая Юнона».

Юнона — богиня древнеримской мифологии, жена Юпитера и покровительница браков.

К стр. 87.

«Велит скорей вернуться Цезарь!»

Цезарь — титул всех римских императоров, здесь имеется в виду император Август.

К стр. 88.

«...до переправы чрез Северн...»

Северн — река в Англии.

К стр. 109.

«Даже Геркулес

В его башке не смог найти бы мозга».

Намек на то, что Геркулес, герой античной мифологии, разил врагов по головам своей тяжелой палицей.

К стр. 115.

«И реполов цветы к могиле принесет...»

Согласно народному поверью той эпохи, лесные птицы (зарянка, крапивник) «благочестиво» покрывали листьями и цветами трупы и могилы погибших в пустынных местностях.

К стр. 116.

«Терсита труп Аякса трупу равен...»

То есть смерть уравнивает всех. Терсит — уродливый и наглый воин в греческом войске, осаждавшем Троию. Аякс — доблестный герой в том же войске,

уступавший в храбрости лишь Ахиллу (Гомер, «Илиада»).

К стр. 119.

«Проклятия Гекубы». — Гекуба — вдова убитого во время взятия греками Трои царя Приама.

К стр. 141.

«Тенанция и честь страны
Желая отстоять!»

Тенанций — имя древнего британского короля.

К стр. 155.

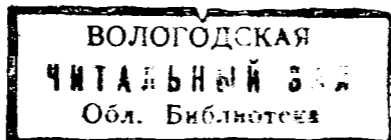
«Прекрасней стана Венеры и Минервы».

Венера — богиня красоты, «стройная Минерва» — богиня мудрости в античной мифологии.

К стр. 156.

«Карбункул колесницы Феба».

Золотая, украшенная драгоценными камнями колесница Феба (Аполлона) — образ солнца в античной мифологии.

Редактор С. Кирьянов

Подписано к печати 28/II 1941 г.
А34664. „Искусство“ № 2424.
Тираж 4000 экз. Печ. л. 5³/₄.
Уч.-изд. л. 6,38. Знак. в 1 п. л.
46.488.

Цена 3 р. 50 к.

Типография „Красный печатник“
Гос. изд-ва „Искусство“, Москва,
ул. 25 Октября, 5.
Заказ 151.